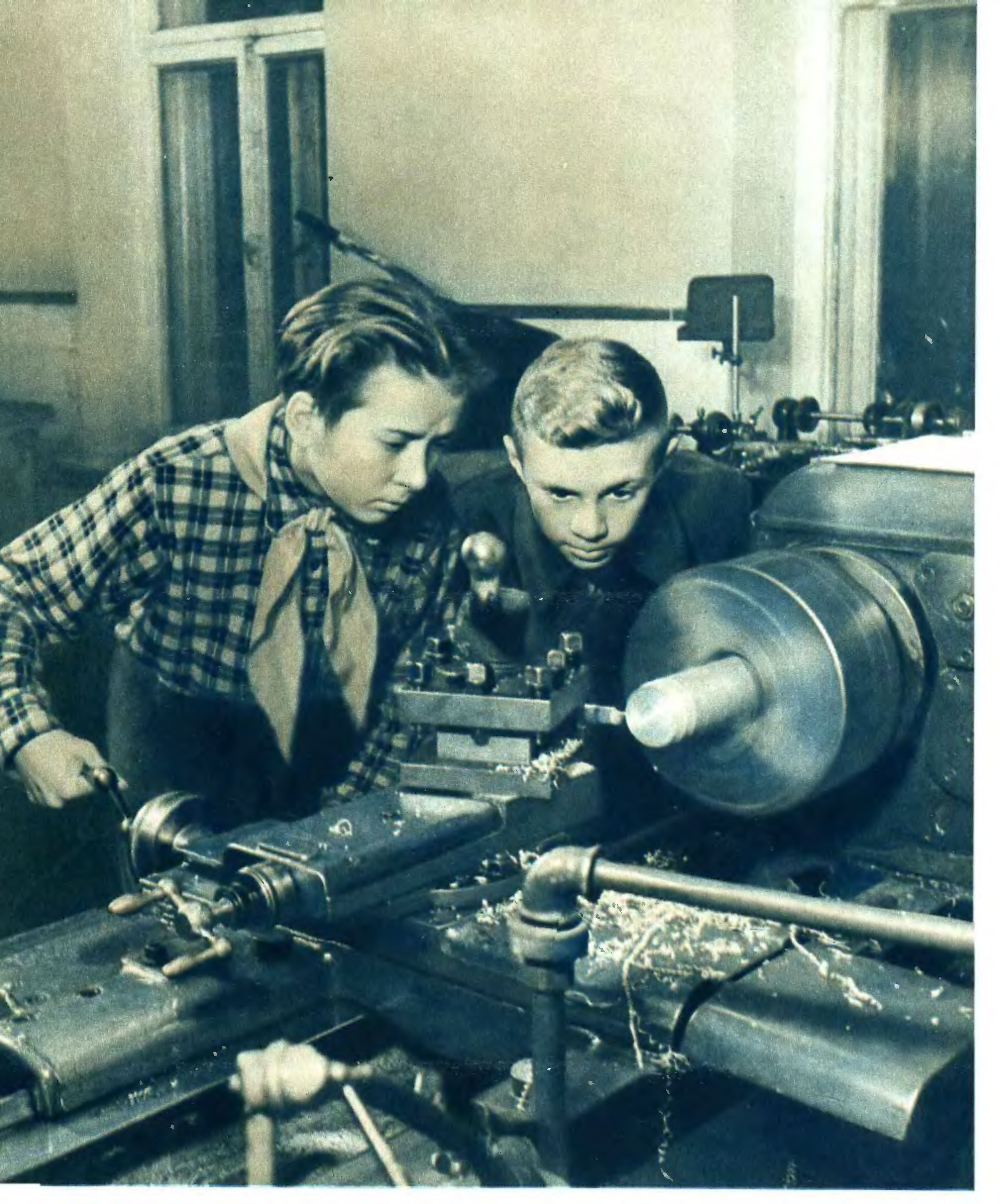

ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В Московском городском доме пионеров. Школьники Валерий Зайцев и Николай Фокин обтачивают деталь для трактора, который создают члены конструкторского кружка.

Фото В. Кругликова.

На первой странице обложки: Караван судов в Карском море.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Дрейфующая станция «Северный полюс-5». Сотрудники станции поймали медвежонка и назвали его Огоньком. Огонек привык к людям и с удовольствием пьет молоко, которым его угощает врач станции А. С. Гаврилов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 46 (1483) 13 НОЯБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва, 7 ноября 1955 года. Демонстрация представителей трудящихся на Красной площади.

Фото С. Фридлянда.

На трибуне Мавзолея 7 ноября 1955 года. Слева направо: товарищи **К. А. Мерецков, С. С. Бирюзов, С. М. Буденный, П. Ф. Жигарев, И. Х. Баграмян, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Д. Т. Шепилов, П. Н. Поспелов, А. Б. Аристов, В. А. Кучеренко, И. Ф. Тевосян, П. П. Лобанов, М. В. Хруничев, А. Н. Косыгин.**

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

ПРАЗДНИК ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Торжественно, с высоким патриотическим подъемом советский народ праздновал 38-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

6 ноября в Большом театре на торжественном собрании, посвященном годовщине Октября, выступил с докладом товарищ Л. М. Каганович.

7 ноября в Москве, на Красной площади, состоялся военный парад. В параде приняли участие слушатели военных академий и училищ, пехота, оснащенная могучей техникой, мужественные советские десантники, мощная артиллерия. В воздухе пролетали реактивные корабли, олицетворяющие современную технику самолетостроения. За флагманом промчались машины невиданной скорости и дальности полета.

Вслед за парадом началось массовое праздничное шествие представителей трудящихся столицы.

Во всех городах, поселках и селах необъятной Советской страны народ радостно отметил великую октябрьскую годовщину.

Вместе с советскими людьми знаменательную дату отметили наши друзья — труженики стран народной демократии, миллионы трудящихся во всех странах земного шара.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, М. Савина.

Руководители партии и правительства в Кремле перед выходом на Красную площадь.

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и командующий парадом Маршал Советского Союза К. С. Москаленко объезжают войска.

Торжественный марш войск начался.

По площади проходит артиллерия.

Праздничное шествие трудящихся столицы открывает колонна физкультурников.

В праздничных колоннах.

Праздничная демонстрация в Киеве.
Фото Н. Козловского.

К годовщине Октября ленинградцы получили замечательный подарок — метрополитен. На снимке: первые пассажиры ленинградского метро.
Фото Я. Рюмкина.

Москва. Вечером 7 ноября.
Фото А. Бочинина.

В ГВАРДЕЙСКОМ ГАУБИЧНОМ...

О. ШМЕЛЕВ

Фото В. Темина.

В воинской части времена года сменяют друг друга, как часовые на четырехсменном посту. Ушло лето с жизнью в зеленых лагерях, с тактическими учениями, с докучливыми вечерними комарами и светлыми утренними зорьками. Закончив летние стрельбы, полк, которым командует полковник Николай Андреевич Ус, вернулся в свой зимний городок. Осыпается бронзовый лист, идет осень. Теперь можно оглянуться на минувший этап учебного года, подвести итоги, чтобы подготовиться к зимним учениям.

Мастерство артиллериста проверяется просто — по меткости стрельбы. Но складывается оно из очень многих элементов. Меткий выстрел — это способность моментально производить сложнейшие вычисления и правильно оценивать обстановку, это безукоризненная четкость и слаженность в действиях.

Батареи заняли огневые позиции. Дивизиону поставлена задача — подавить огневые точки «противника», расчистить путь нашей пехоте.

— Ориентир первый, право 20, на опушке рощи пулемет — засечь!

Командир отделения разведки сержант Анатолий Зиновьев прильнул к стереотрубе.

Проходит несколько секунд, и вот уже у вычислителя рядового Александра Хоботова готовы данные для стрельбы. Еще несколько секунд, и первые снаряды ложатся возле самой цели.

На последних стрельбах расчет младшего сержанта Владимира Коновалова получил оценку «отлично». Расчет работал так четко и слаженно, как будто входящие в него бойцы — от наводчика Анатолия Левина до зарядного Николая Мацакова — были одним человеком. А ведь пришли они в полк не так уж давно.

Радист рядовой Николай Заречнев и телефонист Александр Щербаков на наблюдательном пункте дивизиона.

В батареях дивизиона не один такой расчет, как расчет Коновалова. Поэтому цель, по которой ведет огонь батарея, подавляется быстро и наверняка.

Дана команда: «Зарядить!». На снимке: заряжающий Николай Мифтахудинов и наводчик Анатолий Левин.

Чтобы сплотить людей разных профессий и характеров в единый, монолитный коллектив, нужны многие дни напряженных занятий, нужны упорство и выдержка. Ежедневная, ежечасная учеба — вот что скрывается за оценкой «отлично».

Командир дивизиона майор Николай Николаевич Сорока, командир батареи капитан Анатолий Михайлович Киселюк вместе со всеми офицерами дивизиона учат своих солдат высокому искусству меткой стрельбы.

Давно отгремели те залпы, которыми полк громил не учебные, а настоящие вражеские объекты. Но память о боевых походах свято хранится в полку.

Сформированный в 1941 году из рабочих-ткачей ивановских и шуйских фабрик, полк сражался на многих фронтах Великой Отечественной войны. Сталинград и Севастополь, Нарев и Эльба — вот вехи его пути. Четыре боевых ордена горят на гвардейском знамени. Потому и говорят каждому, кто приходит в его ряды:

— Артиллеристы нашего полка не имеют права стрелять плохо!

Приближается День артиллерии. Отличными успехами встречают свой праздник артиллеристы гвардейского гаубичного полка. Но близится зима, и впереди дальнейшая упорная учеба. Солдаты и офицеры знают: чем совершеннее их воинская выучка, тем спокойнее могут трудиться те, кто доверил им оружие.

Во время перекура артиллеристы окружили своих командиров—майора Н. Н. Сороку и комбата капитана А. М. Киселюка.

ЖЕНЕВА В ДНИ СОВЕЩАНИЯ

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Как всегда в дни больших событий, в Женеве много гостей. К отелю «Метрополь», где разместилась Советская делегация, подходит группа немецких женщин. Это не дипломаты и не туристы. Увидите вы делегации простых людей и у Дворца наций и у резиденций делегатов западных государств. Они прибыли сюда из Германии, Франции и других стран. Приехали на деньги, собранные участниками митингов или организациями, борющимися за мир.

— Общественное мнение определило успех Совещания Глав правительств четырех держав,— сказал мне студент, прибывший с делегацией из западногерманского города Дуисбурга.— Оно должно обеспечить успех и нынешнего Совещания. Поэтому мы здесь!

Делегацию немецких женщин, пришедших утром к отелю «Метрополь», пригласили в салон. Они привезли с собой послание 800 матерей Рура. Паула Таккен, пожилая, скромно одетая женщина, читает это письмо медленно, отчетливо произнося каждое слово.

— «Матери Рура от всего сердца приветствуют Совещание как шаг к дальнейшему ослаблению международной напряженности. Мы знаем,— пишут они,— что парижские соглашения являются препятствием на пути объединения Германии. Мы ежедневно это чувствуем. Повышаются цены на продукты, растет квартплата. Нашим мужьям и сыновьям угрожает опасность рекрутирования. С беспокойством мы наблюдаем за возрождением милитаристских союзов и объединений. Все это вызывает у нас большую тревогу за будущее нашего народа. Мы просим вас создать благоприятную обстановку, которая помогла бы построить действительно миролюбивую, единую, демократическую Германию. Мы считаем, что Германия не должна быть вовлечена в какие-либо односторонние пакты».

— А вот фотокопии подписей,— говорит другая делегатка, подавая пакет.

Это же письмо женщины Рура вручат представителям делегаций США, Англии и Франции.

Делегацию женщин Рура сменяют железнодорожники Германии. Железнодорожники Шверина (ГДР) и Гамбурга (ГФР) привезли письмо, выражающее их общую надежду. Под ним 20 164 подписи. Железнодорожники стоят за включение обеих частей Германии в систему коллективной безопасности. Они требуют обмена делегациями деятелей науки, культуры, искусства между обеими частями Германии, они за расширение торговых связей...

На имя министров — участников Совещания — прибывают сотни писем и телеграмм.

В адрес Советской делегации только из Германской Демократической Республики пришло 227 посланий с пожеланиями успеха Совещанию. Здесь письма и телеграммы от коллективов заводов, фабрик, общественных и политических организаций.

«Мы апеллируем к Вам,— пишут на имя В. М. Молотова представители Союза немцев из Дюссельдорфа,— и к Вашим партнерам по Совещанию. Мы хотим, чтобы вы договорились о разоружении и обеспечении европейской безопасности».

Против парижских соглашений выступает группа спортсменов из Бадена (ГФР); они желают, чтобы представители обеих частей Германии были заслушаны участниками Совещания. Поток писем растет.

Совещание министров иностранных дел продолжается. Делегации, прибывающие в Женеву, так же как миллионы людей доброй воли на всем земном шаре, верят, что Совещание оправдает надежды народов, укрепит тот «дух Женевы», который с такой радостью встретило все человечество.

Министры иностранных дел направляются на Совещание: В. М. Молотов, Д. Ф. Даллес, Г. Макмиллан

Журналисты работают в любых условиях.

Делегация женщин Рура, прибывшая в Женеву. Слева направо: Рут Хуфф, Паула Таккен, Лизель Кренер, Герта Гюйсбургер.

Встреча журналистов ГДР и ГФР. За одним столом — журналисты обеих частей Германии.

Падающая базальтовая глыба с домом из розового артикского туфа.

Сокровища горы Арагац

И. МЕСХИ

Фото О. Кнорринга.

В год рождения Днепрогэса на огромной по тем временам строительной площадке у реки появились груды ноздреватого камня. Он был очень легок, розовато-фиолетового цвета и при ударе топориком издавал мелодичный звук, словно били по стеклу. Его привезли издалека, говорили, откуда-то с Кавказа. И впрямь, в этом камне было нечто от южного солнца и горных высот.

Новым камнем облицевали здание станции над синим Днепром— это был едва ли не первый его выход в свет.

Вторично гладкотесанные розовые плиты везли сюда спустя много лет, когда Днепрогэс восстанавливался после войны, и всем хотелось, чтобы он выглядел так же, как раньше. Но теперь этот камень уже получил известность в стране. Им украсили здравницы на Черноморском побережье и Северном Кавказе, его можно встретить в Москве, Сталинграде. Города Армении, и особенно столица ее Ереван, кажутся словно выточенными из огромного розового монолита.

Родина этого камня — гора Арагац.

...Поезд медленно идет по высокому армянскому нагорью, и изрядное время в окнах вагона маячит одна и та же высокая снежная вершина, не похожая ни на двуглавый Арарат, ни на Казбек, ни на другие именитые Кавказские горы. От нее трудно глаз отвести. Этот каменный бутон с четырьмя лепестками — гора Арагац.

Сходим на станции Ленинакан, расположенной недалеко от Арагаца, и поднимаемся вверх. Кругом трава и камень. Каменные глыбы, поросшие лишайником, каменное крошево, старательно собранное в кучки земледельцами.

Теперь это уже «смирная» гора: вулкан потух. Кругом по склонам живут люди. А было время — ничто живое не могло найти себе места на Арагаце.

Огромным «заводом стройматериалов» стал некогда Арагац, выдав из своей «печи» готовый естественный кирпич. Он гораздо прочнее, легче, суше и намного красивее того кирпича, который делается на заводах. Геологи назвали его туфо-лава. А по имени города Артик, где в советское время открылись крупные каменные карьеры, он получил название артикский туф. Сюда и поднималась дорога, петляя по северо-западным склонам Арагаца.

Артик — город каменоломов. Из камня, вывезенного отсюда, построено несколько больших городов. Один только каменщик Агаси Адамян, депутат Верховного Совета Армении, наломал за четверть века столько туфа, что для его перевозки потребовалось бы 75 поездов.

Когда-то в этих местах отцы в минуты гнева так проклинали своих сыновей: «Чтоб тебе каменоломом быть!» Тяжким был этот труд. Шли годы, машины проникали во все области производства, а каменолом все бил тяжелой кувалдой по клиньям.

...Порожний самосвал поднял нас на седьмой карьер, к открытым кладовым горы Арагац. Матово отсвечивал гладкий румяный камень. Солнце уже было в зените, а игра оттенков вокруг так обманчива, будто только занялась заря.

На всем протяжении карьера от одного оврага до другого по склону вырублены аккуратные уступы, словно гигантская лестница, по которой великан должен взойти на вершину горы.

Не верится, что все это сделано за несколько месяцев: на участке лишь недавно начали вскрышные работы, да и людей на карьере почти не видно. Зато двигаются, грохочут, вгрызаются в туф машины. Верхний покров туфа — горбыль — снимают скреперы. Туфорезная машина, похожая на фуганок, зачищает поверхность уступа, горизонтальные врубмашины подрубают основание уступа, а вертикальные — режут камень поперек. Бульдозеры сгребают отходы и сваливают их в овраг.

Заведующий карьером подводит нас к опытной машине «КМС-11»; по фамилии конструктора ее называют столяровской. Эта машина и подрубает основание уступа и нарезает крупные блоки. Их уже не надо обрабатывать каменотесам: они готовы для облицовки. Каждый кубометр блока равен пятистам кирпичам.

Запасы артикского туфа огромны. На разведанном участке горы за 25 лет существования карьеров треста «Артиктуф» выбрана только одна двадцатая его часть.

— А как с долговечностью?

— Поезжайте в село Арич,— ответили нам на это в тресте.

Поднимаемся еще выше, к скотоводам горного колхоза имени Кирова. Здесь посредине села высится памятник древнеармянского зодчества, охраняемый ныне государством,— монастырь Арич: церковь св. Георгия, построенная в VII веке, и притвор — пятью веками позже. В этом строении нет дерева. Все сделано из артикского туфа, и все сохранилось не тронутым разрушительной силой времени. Высота каждого камня, уложенного в пилоны,— 4 метра 12 сантиметров.

Камнерезная машина Столярова нарезает уступ на крупные блоки.

Тринадцать столетий стоит построенный из артикского туфа монастырь Арич.

Над обрывом возле монастыря мы увидели нечто вроде знаменитой падающей Пизанской башни. Рассказывают по этому поводу так: некогда с обрыва упал и разбился сын строителя монастыря. В память его отец воздвиг над обрывом небольшой поминальный дом. Со временем высокая глыба, на которой стоял этот дом, откололась от основного массива и накренилась. Камень у подножия помешал упасть ей совсем. Так она и стоит неизвестно сколько лет, грозно нависнув над дорогой. Вместе с ней клонится и маленький каменный дом на ее вершине. Наверно, надо быть очень прочным, чтобы устоять в таком неудобном положении вопреки законам строительной техники, ветрам и прочим стихиям.

А вокруг всей этой старины растет новое горное колхозное село.

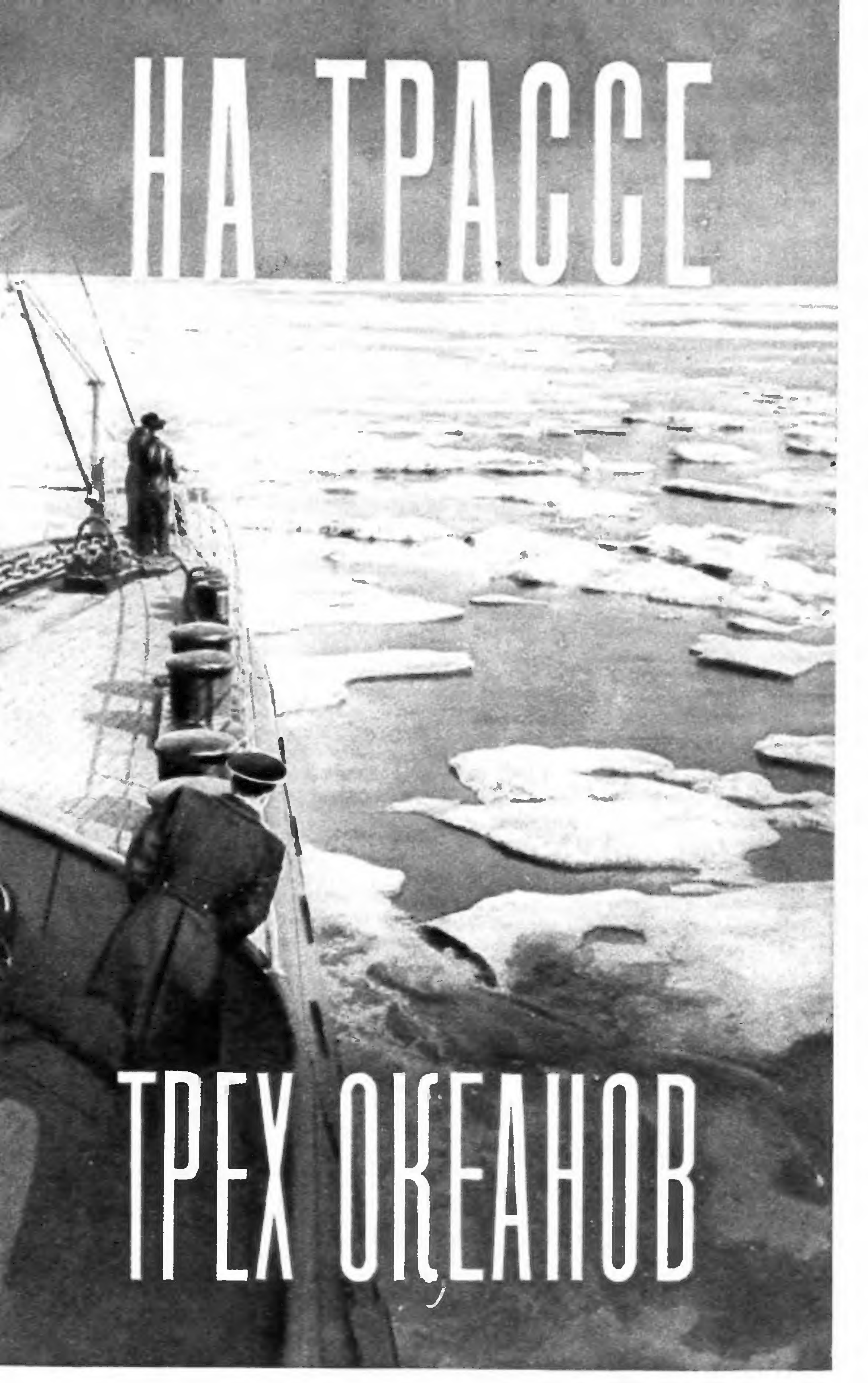
Когда мы вернулись в Артик, на погрузочной станции шла обработка очередного маршрута с камнем. Вагоны направлялись в Молдавию, в Чадыр-Лунгский район, с которым соревнуются артикцы. Это была не первая такая посылка. Из артикского туфа в Чадыр-Лунге строится сейчас Дворец культуры. Оттуда пишут:

«Все, что будет построено в нашем районе из камня туфа, присланного трудящимися Артикского района, явится вечным памятником дружбы братских народов нашей Родины».

Дом правительства в Ереване, построенный из туфа.

НА ТРАССЕ ТРЕХ ОКЕАНОВ

Ледокол «Ермак» прокладывает путь каравану.

С. МОРОЗОВ Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

1

Перепутье морских дорог

Крохотная точка на штурманской карте обретает объемное очертание. Из-под крыла самолета, накренившегося в вираже, навстречу бегут дома, мачты радиостанции, оживленный рейд Диксона. Тут и там видны суда: тяжело груженные транспорты, низко сидящие в воде двухтрубные ледоколы. Стоят на якорях осанистые лихтеры, снуют юркие буксировщики.

Знакомые места! В 1933 году на каменистом берегу острова стояло всего три избушки, и местные старожилы показывали тогда гостям потрепанную тетрадь.

«Книга острова Диксон», начатая в 1915 году, когда тут построили одну из первых в Арктике радиостанций, хранила немало знаменитых автографов. На пожелтевших страницах красовались каллиграфические завитушки флигель-адъютанта Бориса Вилькицкого и размашистый росчерк Руала Амундсена, подписи норвежского капитана Отто Свердрупа и советского академика Отто Юльевича Шмидта. И даты, разделенные многими годами, являли собой скупой календарь пионерских плаваний в Арктику.

Давно стала редким экспонатом «Книга острова Диксон», недаром ее хранят в Ленинграде, в музее. Не один объемистый том занял бы простой перечень судов, которые посетили Диксон за минувшие годы. И весьма буднично выглядит диспетчерское совещание в отделе морских операций Диксоновского райуправления Севморпути теперь, в арктическую навигацию 1955 года.

Если бы не мачты, видные из окна, ничто не напоминало бы здесь мóря, севера. В просторной комнате большого двухэтажного дома пышут жаром батареи парового отопления, на столах телефоны местной АТС, в углу аппарат УКВ для радиотелефонных переговоров с кораблями на рейде. Широченный, во всю стену лист миллиметровой бумаги пестрит крохотными разноцветными квадратиками. Саженная эта таблица ежедневно пополняется донесениями. Каждый день, читая ее, можно узнать, каково сегодня состояние льда, температура воды, направление и сила ветра на Земле Франца-Иосифа, в Новоземельских проливах, в архипелаге Северной Земли. Весь западный сектор Советской Арктики — от высоких широт до побережья материка — представлен здесь. Обсерватория Диксона, связанная по радио с десятками полярных станций, регулярно составляет метеорологические и ледовые прогнозы для флота.

На противоположной стене большая оперативная карта Северного морского пути. Великая судоходная трасса, кратчайшая связь между Атлантическим и Тихоокеанским бассейнами, проходит по прибрежным арктическим морям, которые являются как бы заливами Северного Ледовитого океана. Веками был этот путь недосягаемой мечтой человечества. И менее трех десятилетий понадобилось советским людям, чтобы организовать регулярное судоходство по трассе трех океанов. Каждый год плавают корабли с запада на восток и с востока на запад между Архангельском и Владивостоком, между Мурманском и Камчаткой, между устьями великих сибирских рек.

На карте путь кораблей показан флажками. В правом верхнем углу несколько флажков приколото к Берингову проливу: там первые караваны вступают в моря Арктики с востока. Единственный флажок маячит в море Лаптевых — это новый ледокольный дизель-электроход «Лена» идет с грузами из Мурманска на Дальний Восток, чтобы тем же путем возвратиться обратно. Но больше всего флажков близ Диксона и в южной части Карского моря.

— Из Игарки-то иностранцы уже с лесом идут, — слышится торопливый поморский говорок капитана-наставника Федора Дмитриевича Панфилова.

Подойдя к карте, он переносит два флажка из низовий Енисея поближе к проливам Новой Земли.

Федору Дмитриевичу далеко за шестьдесят. Более полувека ходил он по морям и совсем недавно сменил командный мостик корабля на должность капитана-наставника ледового плавания. Но и за столом кабинета Панфилов попрежнему связан с флотом. Сейчас, например, два лесовоза — английский и норвежский, — приняв груз в Игарке, следуют курсами, которые рекомендовал им по радио Федор Дмитриевич.

— По чистой водичке гребут, однако,— потирает руки капитан-наставник,— а мы-то, помнится, в старые годы в Карское-то море без ледоколов и сунуться боялись.

Да, многое изменилось в полярных морях с той поры, когда Панфилов в числе первых советских капитанов начал возить лес из Игарки! Намного удлинились сроки арктической навигации. Благодаря постоянному наблюдению за льдами в отдельные периоды в южной части Карского моря можно плавать без ледокола.

В нынешнем году более полусотни иностранных лесовозов посещают Игарку.

— И англичане, и норвежцы, и голландцы, и греки. Есть даже под швейцарским флагом один,— старый капитан довольно улыбается,— вот уж поистине все флаги в гости к нам!

Федор Дмитриевич подходит к окну, окидывает взглядом рейд Диксона.

— А тесновато тут, однако. Пора уж на восток первый караван отправлять. Завтра «Ермаку» сниматься.

И капитан-наставник смотрит донесения воздушной разведки льдов, доставленные летчиками Михеевым и Цивинским.

На востоке Карского моря чистая вода. Уточняется маршрут предстоящей разведки и на севере Карского моря. Туда, к далеким островам, тоже скоро отправятся суда с грузами для полярных станций.

С первым караваном, идущим от Диксона на восток, мы пойдем к устью Лены, к берегам Якутии.

«Ермак» во льдах

— Знаете ли вы, что в этой самой каюте жил когда-то адмирал Макаров? — значительно произносит старший штурман «Ермака» Г. Кононович. Потянувшись к этажерке, он достает настольную книгу полярного моряка «"Ермак" во льдах», написанную Степаном Осиповичем Макаровым.

За стеклом иллюминатора Карское море, желтоватое от обильного речного стока. Оно чуть рябит под ветерком. Давно уж остались за кормой Диксон и Енисейский залив, пройдено устье Пясины, но Енисей и Пясина все еще дают о себе знать.

Немало воды утекло, немало льдов переколол «Ермак» с той поры, когда вышла в свет книга Макарова. Они почти ровесники — корабль и книга: каждому за пятьдесят. Но попрежнему богатырски силен «дедушка ледокольного флота», попрежнему волнуют читателя строки, написанные строителем корабля на заре нашего XX века: «Ни одна нация не заинтересована в ледоколах столько, сколько Россия. Природа заковала наши моря льдами, но техника дает теперь огромные средства, и надо признать, что в настоящее время ледяной покров не представляет более непреодолимых препятствий для судоходства».

Строки макаровского дневника, скупые и точные, как записи в вахтенном журнале, повествуют о пробных ледовых плаваниях «Ермака», об успехах и неудачах первого в мире мощного ледокола. Дерзновенна была мечта адмирала: «К Северному полюсу напролом!» И полны горькой иро-

Караван судов в Карском море. Вертолет, взлетевший с борта ледокола «Ермак», производит разведку льдов.

Капитан ледокола «Ермак» К. К. Бызов.

Вертолет на кормовой площадке «Ермака»

«Огонек». 1955.

Бывалый полярный моряк, судовой плотник ледокола «Ермак» В. В. Шехирев.

Молодые полярники, едущие зимовать на остров Котельный, в каюте ледокольного парохода «Леваневский».

На кормовой палубе «Леваневского» дети полярников чувствуют себя совсем как дома.

нии последние, заключительные строки: «Говорят, что непоборимы торосы Ледовитого океана. Это ошибочно: торосы поборимы; непоборимо лишь людское суеверие».

Советская наука и техника обогнали самые смелые мечты Макарова. В наши дни ледоколы в союзе с авиацией и службой погоды стали решающей силой в полярном судоходстве. Иногда по-макаровски, «напролом», но большею частью умелыми маневрами, в обход ледовых массивов, идут караваны наших судов, ориентируясь по прогнозам ученых и разведке авиаторов. Из года в год обогащается опыт судоводителей Арктики.

В кильватер «Ермаку» движутся транспорты «Имандра», «Кашира» и «Волга», ледокол «Ленин», ледокольный пароход «Леваневский». Все они идут полным ходом, не то что в Первой Ленской, когда на судах то и дело стопорили машины и с палуб забрасывали лоты. Теперь можно не бояться неожиданных подводных камней: карта испещрена цифрами глубин. У каждого острова есть теперь свое имя, своя история. Остров капитана М. Я. Сорокина, проводившего Первую Ленскую, остров «Красина», названный в честь прославленного ледокола... Слева за кормой виднеется освещенный незаходящим солнцем скалистый остров Белуха — его нанесли на карту советские гидрографы на шхуне «Белуха».

Первые льды попались нам, когда слева по борту проплыл тоненькой полоской на горизонте остров Макарова. Между архипелагом Норденшельда и материком держался еще припай — невзломанный зимний лед, как бы припаянный к берегам. Курс нашего каравана проложен мористее архипелага. Но и здесь встречные дрейфующие льды окраской своей напоминают о близости суши. Желтоватые, в бурых подпалинах льдины выглядят грязными, и временами кажется, что плывем мы не по морю, а по какой-то широко разлившейся реке во время весеннего ледохода.

«Ермак» пробивается вперед, точно трактор по целине, оставляя за кормой «борозду» — канал для следующих в кильватер судов.

— Не плохо трудится наш старик, совсем молодцом,— приговаривает время от времени капитан Константин Константинович Бызов.

Высокого роста, он размашисто шагает по мостику, часто нажимает на ручку машинного телеграфа, отрывисто командует рулевому:

— Лево руля! Одерживай! Право не ходи!

Послушный воле капитана, ледокол то замедляет ход, то осторожно нащупывает дорогу в разводьях, то с разбегу громоздится стальной своей тушей на торосистые поля. Прямо по носу и с бортов корабля перед нами проходят изломы трещин. С каждой секундой они ширятся, и вот уж в стороны отплывают расколотые глыбы, перевернутые вверх скользким зеленоватым брюхом, обдаваемые фонтанами морской воды.

Командовать ледоколом-флагманом — значит отвечать за сохранность всего каравана. Бызов частенько оглядывается назад, придирчиво проверяя, как движутся остальные суда.

Постепенно исчезают последние редкие разводья. Под вечер, когда солнце стояло еще высоко, неожиданно сгустились облака, и над безмолвной ледовой пустыней загрохотал гром. Горизонт прочертили ослепительные зигзаги молний. После короткого холодного дождя желтоватые льды еще больше потемнели.

— Гроза за семьдесят шестой параллелью — явление в метеорологии примечательное. Но, как говорится, нам от этого не легче,— философствовал на мостике Константин Константинович.

С Диксона на «Ермак» сообщили, что к каравану направлен самолет ледовой разведки. Вскоре радиограмму подтвердили шум моторов и заливистый лай. Корабельный пес Финиш резво носился по палубе, виляя хвостом и задрав голову. К «Ермаку» шла летающая лодка. Она промчалась низко-низко, над самыми мачтами ледокола. С борта ее сбросили что-то узенькое, продолговатое, красное. Сверток упал на лед, рядом с носом корабля, и моряки, закинув стальную кошку, быстро выудили его на палубу. В красной прорезиненной оболочке была упакована калька с чертежом ледовой обстановки.

Донесение ледовой разведки, подписанное летчиком И. Г. Михеевым, гидрологом К. П. Михайловым и начальником Диксоновского районного управления М. В. Стрекаловским, предлагало каравану новый курс — в северную часть пролива Вилькицкого.

Но погода спутала нам все карты. Норд-вест сменился зюйдостом, и льды в северной части пролива Вилькицкого сплотились. Приказав судам каравана лечь в дрейф, Бызов решил снова провести воздушную разведку, теперь уже на вертолете.

С раннего утра бортмеханик К. Лещенко хлопотал на кормовой площадке вокруг машины, потом затарахтел мотор, широкие лопасти завертелись все быстрее и быстрее. Вслед за невысоким худеньким пилотом В. Колошенко в кабину влез грузный Бызов.

Оглушительно жужжа, вертолет начал отвесно подниматься рядом с высокой трубой ледокола. Отделившись от своей площадки, он еще какое-то мгновение казался частью корабля. Но вот, словно перешагнув борт, поплыл в сторону, все выше и выше поднимаясь над льдами.

Из часового рейса Колошенко и Бызов возвратились невеселые. Им так и не удалось нигде поблизости обнаружить чистую воду или хотя бы разреженный лед.

Еще добрые полсуток пролежал караван в дрейфе, пока над нами не появилась крылатая лодка пилота С. А. Петрова. Она приветливо качнула крыльями, и на палубу упал вымпел. Схема на кальке, составленная гидрологом А. П. Козыревым, показывала, что теперь, под влиянием изменившегося ветра, разреженный лед появился на юго-востоке. Туда-то и пошел караван вслед за «Ермаком».

Проведя караван проливом Вилькицкого — это один из труднейших участков трассы,— «Ермак» повернул назад, навстречу новой, следующей группе судов, которые в это время выходили с Диксона. И мы расстались с «Ермаком».

Корабли и люди

На палубе ледокольного парохода «Леваневский» нас встретил высокий худощавый человек, по южному смуглый, черноволосый. На кисти его левой руки глубокие шрамы, на синем кителе ленточки двух орденов Красного Знамени и знак капитана дальнего плавания.

Так вот он какой, Анатолий Качарава, уроженец знойного Сухуми и старожил студеных морей!

В очередной рейс по арктическим портам и полярным станциям Качарава ведет свой корабль так же, как водит его из года в год.

Об одном героическом рейсе он рассказывает нам сейчас.

...В конце августа 1942 года большой караван транспортов во главе с двумя ледоколами вышел с Диксона на северо-восток. Отдельно от каравана, поотстав на добрую сотню миль, двигался ледокольный пароход «Сибиряков», которым командовал Качарава. Вдруг на мостике зазвонил телефон, и матрос Котлов, наблюдавший за морем, доложил:

— По левому борту, курс шестьдесят, неизвестный военный корабль.

Сквозь линзы бинокля над темной поверхностью спокойного моря явственно обозначались бронированные борта, серые орудийные башни. По сигналу боевой тревоги сибиряковцы заняли места у орудий. Радист Шершавин передал на Диксон первое шифрованное донесение Качаравы.

По левому борту шел гитлеровский рейдер, карманный линкор «Адмирал Шеер».

«Предлагаю спустить флаг и сдаться в плен»,— просигналили фашисты, и над мачтами «Сибирякова» пролетел первый, предупредительный снаряд.

— Огонь! — скомандовал Качарава своим артиллеристам.

После нескольких залпов фашистского линкора объятый пламенем «Сибиряков» погрузился в волны Карского моря. Над кормой его билось по ветру пробитое осколками, закопченное дымом красное полотнище с пятиконечной звездой, серпом и молотом.

Подвиг сибиряковцев, принявших на себя удар, спас от разгрома бóльшую часть нашего арктического флота. Караван во главе с двумя ледоколами успел войти в лед и стал недосягаемым для фашистских пиратов.

...Закончив свой рассказ, Анатолий Алексеевич пригласил нас в кают-компанию к вечернему чаю. Там над обеденным столом висела картина «Бой «Сибирякова» с «Шеером» и напротив портрет человека, чье имя носит теперь корабль капитана Качаравы,— портрет полярного летчика Сигизмунда Александровича Леваневского. Один из первых Героев Советского Союза, он погиб в трансарктическом перелете восемнадцать лет назад.

Рассказывал капитан и про новый наш ледокол, который унаследовал по флотской традиции славное имя «Сибиряков». Вот уже десять лет водит он караваны по полярным морям и по зимней Балтике.

...Туман рассеялся, нам удалось выйти изо льдов. Курсом на юг, в Хатангу и в устье Анабара, уверенно двинулись «Имандра» и «Кашира». На запад, в пролив Вилькицкого, отправился ледокол «Ленин». А «Леваневский» и «Волга» продолжали путь в Тикси.

Капитан ледокольного парохода «Леваневский» А. Качарава.

Командир вертолета В. Колошенко (наверху) и бортмеханик К. Лещенко готовят машину к полету.

БРАТЬЯ

Глава из третьей части романа «Открытая книга»

В. КАВЕРИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Последние годы В. Каверин работает над романом «Открытая книга», посвященным истории советской женщины — врача и деятеля науки. В первой части, которая называется «Юность», рассказывается о детстве и молодых годах Татьяны Власенковой. Во второй части («Доктор Власенкова»), охватывающей тридцатые годы, показана дальнейшая жизнь героини, ставшей ученым-микробиологом.

Наконец, в третьей части романа («Поиски и надежды») писатель рассказывает о «незримом» противоэпидемическом фронте, на котором работали деятели советской микробиологии в годы Великой Отечественной войны.

Публикуемая глава относится к тому времени, когда лаборатория Власенковой борется за практическое применение открытия, важного для скорейшего возвращения раненых в строй.

В другой области — создание вакцины против сыпного тифа — работает ее муж, Андрей Дмитриевич Львов. Внезапная вспышка этой болезни возникает в руководимом им институте.

Первые две части романа «Открытая книга» вышли в 1953—1955 годах в издательстве «Молодая гвардия».

Прошло всего две недели с того вечера, когда, полуживая, еще не умея ходить, я вернулась домой, а между тем казалось, что все это было очень давно: госпиталь с его размеренной, как бы идущей по кругу жизнью, смена сиделок — смена дня и ночи, знакомство с Гордеевой, о которой я аккуратно справлялась через день, а в другое время почему-то старалась не думать.

Крустозин удалось наладить, и работа пошла бы полным ходом, если бы не приходилось время от времени прибегать к помощи каких-то подозрительных кустарей, наживавшихся на упаковке. Нам было очень трудно без собственной упаковочной мастерской, и дело кончилось тем, что наш воинственный завхоз просто-напросто стащил чье-то беспризорное оборудование, очень хорошее, с новенькой штамповальной машиной. Машина в особенности порадовала меня: теперь мы сами могли печатать этикетки для бактериофага и других препаратов. В общем, все было бы хорошо, если бы не холод, которого я стала особенно бояться после ранения. Холодно было дома, холодно на работе. Я возвращалась к себе, и такая настывшая, неуютная комната, с такими ледяными — не дотронуться — вещами встречала меня! Жизнь начиналась только поздним вечером, когда на раскаленной буржуйке, похожей на маленького чугунного бога, закипал чайник, и становилось тепло, и возвращались на свои места сбежавшие куда-то от холода обыкновенные человеческие мысли и чувства.

В этот день был «аврал»: нужно было разобрать всю рухлядь, оставшуюся после эвакуации в первом этаже институтского здания. День был полон суеты и хлопот, и, лишь возвращаясь домой в полутемном трамвае (где закутанные, синие под синими лампочками, сидели молчаливые, понурые люди и синяя кондукторша с фонариком отрывала билеты), я с тревогой вспомнила об Андрее.

...Еще на лестнице я услышала голоса, настолько похожие, что мне показалось, что Андрей громко говорит сам с собой. Не раздеваясь, я осторожно заглянула в комнату.

— Митя!

Он замолчал на полуслове, засмеялся, шагнул через стул, на котором лежал его заплечный мешок, и протянул мне руки.

— Я, Танечка, как это ни странно!

Он был в форме — полковник,— и на мгновенье мне вспомнился молодой врач, носившийся по тихим лопахинским улицам в длинной кавалерийской шинели. Но врач был уже немолодой, сильно поседевший, с острым профилем, в котором и прежде было что-то орлиное, а сейчас стало еще заметнее, чем прежде.

— Встретились все-таки, как хорошо! — говорил Митя, когда мы поздоровались и он держал мои руки в своих и не отпускал, целуя.

— Надолго?

— Сравнительно, да. Вызвали и поручили организовать экспедицию.

— Куда?

— К черту на рога,— смеясь, сказал Митя. Он был очень доволен.

— Садитесь, Татьяна! — Я сняла пальто.— Нет, сперва покажитесь! Похудела,— сказал он с огорчением.

— Постарела, Митя.

— Может быть. Чуть-чуть. А вот Андрей...

— Он вам рассказывал?

— Еще бы!

Они спорили добрых два часа до моего прихода. Уже был нарисован план лаборатории, вивария, института. Уже были обруганы Ровинский и другие бездарные, по мнению Мити, советчики Андрея. Уже раз десять братья вернулись к сотруднику иностранной миссии, который, к счастью, не зашел посмотреть на зараженных мышей. В общем, Митя утверждал — и это была неожиданная точка зрения,— что эта история доказывает только одно: сыпнотифозная вошь, повидимому, не является единственным источником заражения.

— Чтобы согласиться с тобой,— с досадой сказал Андрей,— нужно только одно: забыть все, чему нас учили в институте.

— Вот и забудь! Иногда это чрезвычайно полезно.

Андрей махнул рукой.

— Да пропади она пропадом, эта история! Не хочу я больше говорить о ней. Расскажи лучше о себе. Черт знает, как мы за тебя волновались!

Я разогрела кашу, Митя достал из заплечного мешка консервы и шпиг, и мы устроили великолепный, давно невиданный ужин, с настоящим кофе, который я сварила по всем правилам кофейного искусства. В комнате было тепло, и хотя печка время от времени «отказывала» — дым валил в комнату, а из колена трубы, заправленной в форточку, начинала капать черная жидкость,— братья объявили, что «банкет» удался.

Последние годы так редко удавалось видеть их вместе! В юности они были совсем не похожи, а теперь в движениях, в интонации вдруг мелькало необыкновенное сходство. Младший стал немного горбиться с годами, старший попрежнему держался по-военному прямо. Младший был, как всегда, сдержанно-нетороплив, в старшем то и дело закипало нетерпение, в особенности, когда нужно было выслушать собеседника,— этого он никогда не умел. Младший, как всегда в эти редкие встречи, был полон делами, мыслями, надеждами старшего брата. А старший был полон только своими делами и рассказывал о себе с легким оттенком хвастовства, нисколько не уменьшавшегося с годами.

Он был действительно болен — дизентерией, и очень тяжелой,— когда немцы взяли Ростов. На третью неделю он начал вставать, и в этот день у его дома остановилась легковая машина. Какой-то человек в штатском, с цветком в петлице и с драгоценной тростью в руке поднялся по лестнице и на чистом русском языке спросил профессора Львова. Разговор был короткий. Через четверть часа машина уехала, а профессор позвал старушку-домработницу и спросил, не хочется ли ей поехать с ним в город Берлин.

— Не хочется,— сказала старушка.

— Ага. Вот и мне не очень. А ведь обещают полмира.

Старушка сказала, что ей не нужно полмира.

Он уложил свой заплечный мешок и, когда стемнело, вышел из дома. План был простой — на время скрыться в одной знакомой деревенской семье, а потом найти партизан и переправиться с их помощью через линию фронта.

Недалеко ушел он за ночь. Недавняя болезнь давала себя знать, да и не привык он шагать по дороге с тяжелым мешком за плечами! С зарей он залег в пшенице, и такой незнакомой, забытой показалась ему эта зеленая, с капельками росы молодая пшеница! И он спокойно уснул, глядя в розовеющее высокое небо.

На другую ночь он подошел к знакомой станице — и не нашел ее. Почерневшие стояки торчали здесь и там, указывая место, где находились избы. Станица была сожжена, и, как видно, недавно: дымок еще пробивался кое-где среди обугленных бревен. Нужно было двигаться дальше. Куда?

Так началось его путешествие — в своем

письме он шутливо назвал его «великим исходом». Но тогда было не до шуток. Он шел, и одежда, в которой он покинул Ростов, постепенно превращалась в тряпье. В одной деревне он променял свои изношенные ботинки на лапти, в другой — пиджак на котелок супа. У него отросла борода — «увы, седая»,— смеясь, добавил в этом месте Митя. Без шапки, с пыльной гривой, с длинной палкой в руках — он скоро понял, что нельзя придумать лучшего маскарада. Старухи крестились, когда он появлялся на деревенских улицах,— «ну и, разумеется, подавали».

В одной станице мотоциклист, у которого отчаянно фыркала, но не трогалась с места машина, подозвал его свистом, как собаку. Митя подошел. Очевидно, наружность его показалась подозрительной солдату. Не слезая с машины, он дернул его за бороду.

— Сам бог,— захохотав, сказал он и, уверившись, что борода настоящая, приказал подтолкнуть мотоциклет.

Уже кончилась степная полоса с ее зеленым простором без конца и края. Пошли курские леса — Льгов был недалеко.

Теперь, просыпаясь, Митя вставал с трудом. Немела спина, ноги были давно разбиты, сердце болело, и боль была плохая — с отдачей в левую руку. Однажды он присел у ручья и очнулся от страшного чувства: кто-то прижимал к его векам холодные монеты, но монеты скатывались, звеня. Он лежал головой в ручье — должно быть, упал, потеряв сознание.

И вот наступил день, когда он почувствовал, что кончается его «великий исход». Не скрываясь больше, он днем зашел в большое село. Он узнал, что здесь сохранилась больница и женщина-врач принимает больных.

— Здравствуйте, доктор,— сказал он, дождавшись своей очереди и зайдя в комнату, где сидела худенькая женщина в халате.

— Здравствуйте, дедушка. Откуда?

— Издалека,— сказал Митя и сел.— У меня к вам секретное дело, доктор. Я вас не знаю, но вы русская и врач, этого достаточно. Дело в том, что...

Вечером, умытый и причесанный, он сидел в чистой избе с вышитыми полотенцами и рассказывал без конца. Перед ним стояла тарелка с жареным картофелем, и то, что можно и даже нужно было брать этот картофель вилкой, казалось ему чудесным сном, который может исчезнуть в любую минуту.

Решено было, что он останется у доктора Клитиной на несколько дней. Это было рискованно, муж ее служил в Красной Армии, немцы присматривались к ней, больные видели, как она провела Митю к себе. Но делать было нечего...

Он проснулся ночью в чулане и несколько минут лежал, не открывая глаз и сонно прислушиваясь к тому, что его разбудило. Это был шорох, шепот где-то очень близко, за стеной, на дворе. Чулан был дощатый, в пристройке, и ему показалось, что слабый свет мелькнул между рассохшихся досок.

Он приподнялся на локте, потом встал. Негромко постучали в окно. Полоска света появилась за дверью — хозяйка со свечой вышла в сени. Она спросила:

— Кто там?

И, прежде чем со двора успели ответить, Митя понял, что пришли за ним.

...Три недели он провалялся в каком-то грязном подвале. Его били, снимали оттиски пальцев, показывали каким-то незнакомым людям. Он выдавал себя за профессионального нищего, бывшего сторожа хлебозавода в Нахичевани, к нему подсаживали провокаторов, ловили на перекрестных допросах. Ничего не добившись, его перевели в одиночку и оставили умирать, потому что он дошел до последней степени истощения.

Но прежде, чем умереть — так он решил,— нужно было рассказать человечеству, что он думает о происхождении рака! Ему удалось достать листок папиросной бумаги, огрызок карандаша, и, собрав последние силы, он бисерным почерком набросал несколько строчек. Но кому передать листок? Доктору Клитиной? Кто знает, быть может, и она схвачена, выслана, погибла?

Среди его тюремщиков был один русский, тот самый, который помог ему добыть карандаш и бумагу. Довериться ему? Терять было нечего. И Митя решился.

— Подойди-ка поближе, друг,— сказал он, когда тот заглянул в камеру на вечерней проверке.— Мне, кроме тебя, поговорить не с кем. Слушай, я не нищий и не сторож хлебозавода. Я ученый человек, профессор, а не назвал себя, потому что не хочу работать у немцев. Дело мое, как видишь, плохо. Еще дня три — и не поминай лихом! Так вот, возьми этот листок и при первой возможности перешли моему брату, в Москву, Серебряный переулок, 22, квартира 4. Не хочу я, чтобы вместе со мной пропали мои мысли, которые могут принести пользу людям.

Листок, свернутый в трубку, был засунут в окурок. Парень взял окурок, повертел его в пальцах. Потом оглянулся на дверь и наклонился к Мите.

— Погодите помирать-то, профессор,— быстрым шепотом сказал он.— Наши близко. Скоро, небось, увидите брата.

Это был наш разведчик, служивший у немцев...

И наши действительно оказались близко. Через неделю Митя лежал в госпитале, а еще через две возился со своими пробирками в фронтовом СЭЛе.

Мы с Андреем сидели на кровати, а он шагал по комнате, натыкаясь на стулья, и огромная тень металась за ним, причудливо повторяя движения. Коптилка мигала, он нервно поправил ее. Он умолкал, иногда надолго. Справляясь с волнением, он крепко брался за спинку стула.

Он рассказывал тяжело, задумываясь над тем, что произошло с ним, и как будто не веря.

— Митя, а вы знаете, с кем я лежала в одной палате? — спросила я, когда стало удобно заговорить о другом.— С доктором Гордеевой. Я писала вам о ней, но вы, должно быть, не получили?

Митя бросился ко мне так стремительно, что столик, за которым происходил наш «банкет», покачнулся и я едва успела подхватить покатившиеся стаканы.

— Где она?

— Не знаю, должно быть, еще в госпитале.

— Ранена?

— Да. Но все обошлось.

Как будто просыпаясь, он провел рукой по лицу, по глазам.

— Это мой лучший друг,— просто сказал он.— Она уехала из Ростова в первые дни войны, и мы переписывались, пока это было возможно. Как вы думаете, Таня, могу я ей позвонить?

— Когда?

— Сейчас.

— Вы сошли с ума! Третий час ночи.

— Ну так что же! Я только передам ей привет.

— Ох, Митя! Не торопитесь. Она не уснет, если ей скажут, что вы звонили. У вас голова седая. Не торопитесь.

Наутро он умчался, не позавтракав, вернулся в середине дня, притащил груду хлеба, который за несколько дней получил по аттестату, и с этой минуты все в доме пошло вверх дном, потому что он стал заниматься нашими, а мы — его делами. Экспедиция «к черту на рога» оказалась ответственнейшей, и, чтобы организовать ее в короткий срок, нужно было заниматься ею, и только ею. Как бы не так! Елизавета Сергеевна выписалась из госпиталя, и он устроил ее в гостиницу «Москва» — зимой 1943 года это было равносильно самому трудному из подвигов Геракла. Он прочел книгу Андрея — черновик, в котором я не могла разобрать ни слова, и три вечера подряд доказывал, что главная неудача Андрея заключается в том, что двадцать лет тому назад он, Андрей, занялся медициной, а не литературой.

И наконец — это было самое главное — он поехал с Андреем в Институт профилактики.

— Иди ты, знаешь куда! — сердито сказал он, когда Андрей попытался убедить его, что это «не семейное дело».— Кроме высокой чести состоять с тобою в родстве, я все-таки четверть века занимаюсь наукой.

Молча облазал он все три этажа института, заглянул в виварий и заставил всех лаборантов, одного за другим, рассказать о том, как они приготовляли вакцину. Рабочее место заболевшего лаборанта он не просто осмотрел, а, можно сказать, обнюхал.

Вечером, когда мы встретились за столом, об этой ревизии не было сказано ни слова. Мы поужинали, легли, и я уже почувствовала, что мысли смешались и что-то неожиданное всплыло, как всегда, в последнюю перед сном минуту...

— Андрей, я понял!

Я испугалась. Андрей коснулся моей руки и тихонько сказал:

— Спи, спи. Он бредит.

— Иди ты к черту! Ты сам бредишь! Я все понял! Они заразились аспираторно.

— Кто заразился?

— Эти люди, лаборант и кто там еще?

Андрей повернул выключатель и сел:

— Сыпной тиф по воздуху не передается.

Митя засмеялся. Он был всклокоченный, бледный, с вдохновенными, смеющимися глазами.

— Вот спасибо, а я и не знал,— сказал он.

— Во всяком случае, до сих пор не передавался.

— Ах, до сих пор! Так ведь до сих пор никто не вызывал у мышей сыпнотифозного воспаления легких. До сих пор сыпной тиф не сопровождался кашлем. До сих пор...

— Швейцар не заходил в виварий.

— Значит, он плохо изолирован. Не швейцар, разумеется, а виварий!

— Штукатурная перегородка.

— Ну тогда трещины, черта и дьявола, не знаю, что,— покраснев и сердито подняв брови, сказал Митя.— Таня, вы спите?

— Нет.

— Вы согласны со мной?

— Почти.

— В науке не бывает «почти». Товарищи, да как же вы не понимаете, что весь опыт как будто нарочно поставлен для того, чтобы воз-

будители могли свободно выделяться в воздух? Андрей!

— Да?

— Ты что молчишь?

— Я думаю.

— Ах, ты думаешь! — с глубоким удовлетворением сказал Митя.— Так вот, раз уж ты думаешь, постарайся усвоить ту простую истину, что из новых условий, как правило, возникают и новые явления. До сих пор сыпнотифозные больные не чихали, не сморкались и вели себя согласно формуле «сыпной тиф по воздуху не передается». А ты заставил их...

Он замолчал, потом стал ровно дышать — уснул. Уснула и я. Андрей вставал, пил воду, ворочался — не спал до утра.

На другой день братья снова поехали в институт, и митина догадка полностью подтвердилась. Виварий был действительно изолирован, но вентиляционный ход соединял его с коридором, и возбудители сыпного тифа не просто проникали, а, можно сказать, с силой выбрасывались наружу, распространяясь по всему институту. Ничего удивительного не было в том, что люди, проходившие по этому коридору, подвергались опасности заражения. Удивительно было другое: что из множества этих людей заболели всего только трое.

Разумеется, все это произошло далеко не так легко, как я рассказала. Через несколько дней многие сотрудники Института профилактики заговорили о том, что иначе и быть не могло, они думали совершенно так же. Это было повторением известной истории с колумбовым яйцом, поставить которое — после Колумба — оказалось удивительно просто.

Но нашлись и другие. Лапшин, например, упорно доказывал, что если даже Львов-старший прав, что более чем сомнительно,— Львов-младший все-таки виноват, потому что хороший директор обязан знать устройство вентиляционных ходов в своем институте. Не стану рассказывать о других, более сложных маневрах. Все было сделано, чтобы Андрей не то что не мог, а не захотел вернуться в институт. И он действительно не вернулся.

Митя пропадал по целым дням, по его словам, в разных «снабах», которые должны были снарядить его экспедицию, а по моим смелым предположениям — в гостинице «Москва», на одиннадцатом этаже, в номере тысяча сто десятом.

Впрочем, обитательница этого номера почти не упоминалась в наших разговорах: мы с Митей редко оставались вдвоем, а говорить о ней при брате он, повидимому, стеснялся. Лишь однажды он спросил Андрея, с кем, по его мнению, нужно поговорить, чтобы ему, Мите, разрешили включить в состав экспедиции опытного врача-хирурга.

Нетрудно было догадаться, о ком идет речь, но Андрей сделал вид, что это его не интересует.

— Гм. Но ведь твоя экспедиция, насколько мне известно, не имеет к хирургии ни малейшего отношения!

— В том-то и дело! — с отчаянием отозвался Митя.

— Так, так. Старый врач?

— Какое это имеет значение?

— Не скажи. А прежде когда-нибудь он был в твоем распоряжении?

— Не был.— Митя слегка покраснел.

— И ты в этом совершенно уверен?

— Совершенно.

— Гм. Тогда, пожалуй, ничего не выйдет.

— Почему?

— Видишь ли, если бы ты прежде знал этого врача, можно было бы сказать наркому, что тебе без него будет скучно. А начальник экспедиции не должен скучать — это может вредно отразиться на деле.

Митя посмотрел на него.

— Господи помилуй, единственный брат — и подлец,— с некоторым даже изумлением сказал он...

В другой раз он упомянул — небрежно и между прочим,— что медкомиссия дала Елизавете Сергеевне полугодовой отпуск и, стало быть, теперь ее участие в экспедиции зависит только от собственного желания.

Я заметила, что после тяжелого ранения ехать в такую далекую экспедицию неосторожно. Но Митя улыбнулся и возразил, что трудно придумать понятие, более несвойственное Елизавете Сергеевне, чем «осторожность».

Он сказал это — и я, как наяву, увидела ее перед собой — смуглую, нехотя улыбающуюся, с крупными, сильными, по-мужски сходящимися бровями.

Но вот прошло несколько дней, и, мрачный, расстроенный, Митя явился домой, отказался от великолепной картошки в мундире, которую я только что сварила и от которой по всей комнате пошел вкусный пар, и стал ругательски ругать какого-то Корниенко, который просто задался целью провалить экспедицию, а его, Митю, засадить в каталажку.

Но не в Корниенко тут было дело! Повернувшись к стене, он долго лежал, притворяясь, что спит, и демонстративно засопел, когда я его о чем-то спросила. Потом не выдержал, сел на постели и сказал мрачно:

— Не едет.

— И прекрасно. Лучше, если она подождет вас в Москве.

— Подождет! Ей придется вернуться в полк, если она не поедет со мной. Да об этом еще сегодня утром и речи не было.

— Что же случилось?

— Случилось то, что я думал, что знаю женщин,— с досадой сказал Митя,— а оказалось, что не только не знаю, но сам черт их не разберет. Она прогнала меня.

— Ну вот!

— Да, да. За то, что я пошел к Глафире Сергеевне.

— Ах, так!

Митя посмотрел на меня.

— И вы туда же? — пожав плечами, спросил он.— Я даже не знал, что она в Москве, и вообще не думал о ней ни одной минуты.

— Как же вы к ней попали?

— Да просто наткнулся в записной книжке на ее телефон и позвонил наудачу. Сам не знаю, почему, может быть, из любопытства. Вы мне верите, Танечка?

— Верю.

— Она обрадовалась, позвала меня, и мы — это было вчера — провели вечер за чаем. Это был очень грустный вечер, такой, что грустнее и придумать нельзя. Уж лучше бы она осталась в памяти прежней Глашенькой, той, которая мучила меня и без которой я не мог жить, как это ни странно.

— Постарела?

— Да, постарела, располнела, хотя и была в черном платье, наверно, чтобы не было очень заметно, что располнела. Это что! Мы все постарели. Нет, другое! Я нашел ее раздавленной, испуганной, отвыкшей от человеческого слова. Она не просто боится Крамова, она его смертельно боится. Он в Лондоне, за тридевять земель, но он присутствует в каждом ее движении, в каждом взгляде. И вы думаете, она жаловалась на него? Превозносила. Но какая пустота чувствовалась за этими похвалами, какая усталость! Она была очень откровенна со мной. Но как только речь заходила о нем...

Митя замолчал. У него было напряженное лицо, одновременно задумчивое и холодное, с недовольно поднятыми бровями.

— Вы знаете, что ее мучит, о чем она жалеет больше всего: скоро старость, а нет детей. Хотела взять сироту — невозможно.

— Почему?

— Валентин Сергеевич не любит детей. Да, Валентин Сергеевич... А мне-то казалось, что он остался где-то далеко позади, в прежней, довоенной жизни. Ничуть не бывало! Известный ученый, общественный деятель, член коллегии, Лондон, Париж...

— Увы!

— А что же ваша дискуссия, его поражение? Отложено? Или забыто?

— Ни то, ни другое. Но он дельный человек, умен, представителен. Такие всегда нужны, особенно в военное время.

— Да? Ну, черт с ним. Вот, Татьяна. Это все, что произошло. Теперь скажите, неужели я действительно не должен был идти к Глафире Сергеевне?

— Не знаю.

— Не притворяйтесь, Танечка. Все люди как люди. Один я, как собака.

— Митя, вы должны настоять, чтобы Елизавета Сергеевна осталась в Москве. Война скоро кончится.

— Ну да, конечно. «Жди меня, и я вернусь». А вы уверены, что я вернусь?

— Уверена.

— Кто знает!

— Ах, так! В таком случае, тащить ее с собой — преступление.

Митя улыбнулся.

— А любить,— спросил он,— тоже преступление?

Он уговорил меня поехать к Елизавете Сергеевне, и как я ни отнекивалась, а все-таки поехала, сердясь на себя, на него и чувствуя себя старой, скучной тетушкой, которой почему-то всегда приходится улаживать подобные недоразумения.

У подъезда стояли грязные фронтовые машины с привязанными баками, вдоль вестибюля спали, неудобно скорчившись в креслах, военные, у ресторана на лестнице толпились женщины с кастрюльками,— словом, я не увидела ничего похожего на ту картину, которую, рассказывая о гостинице «Москва», нарисовал передо мной Митя. Впрочем, он особенно напирал на два обстоятельства: в номерах круглые сутки горячая вода, а в ресторане подают даже водку. Водка мало занимала меня, а вот вода... Это было глупо, но, поднимаясь на лифте, я с завистью поглядывала на счастливцев, которые могут днем и ночью мыться горячей водой.

Елизавета Сергеевна жила на одиннадцатом этаже, где уже не было ни мрамора, ни ковров и где в узком, обыкновенном коридоре сидели не всевидящие, окруженные телефонами дежурные, а простые женщины в платках, пившие чай из эмалированных кружек.

Я постучала к ней — и шорох, испуганный шепот, быстрые шаги послышались за дверью. Потом она выглянула — в халате, с завязанной полотенцем головой и встревоженная, как мне показалось.

— Вот это кто! Ну, заходите, живо!

И, энергично втащив меня в комнату, она закрыла двери на ключ.

— А я уже думала, что попалась с поличным,— сказала она и засмеялась.— Катька, тащи кастрюльку. Напрасная тревога! Не дают, черти, пользоваться электрической плиткой,— объяснила она мне, доставая плитку из-под кровати и водружая ее на письменный стол.— А как тут обойдешься? Вот девица приехала с укреплений, нужно ее накормить?

Хорошенькая девочка, лет четырнадцати, в юбке до колен и рыжем свитере с закатанны-

ми рукавами вышла из ванной комнаты и подала Елизавете Сергеевне кастрюльку, очевидно, с супом.

— А поздороваться? — строго напомнила Елизавета Сергеевна.

Девочка подняла на меня глаза под длинными ресницами и произнесла очень вежливым, тоненьким голоском:

— Здравствуйте. Катя.

— Видите, какая тихоня,— смеясь, сказала Елизавета Петровна.— А сама отказалась уехать в эвакуацию и осталась в Москве с какой-то сумасшедшей старухой. Это дочь моего двоюродного брата.

— Я не отказалась, тетечка Лизочка, а просто маме без меня будет легче.

— Да уж! Это несомненно. Вернулась с окопов такая грязная, что я ее три часа не могла отмыть. Щеткой терла, как лошадь. Ну ладно. Вари суп и молчи. Что вы на меня так смотрите, Татьяна Петровна?

Я сказала:

— Любуюсь.

Елизавета Сергеевна немного покраснела.

— Вот именно, в этой чалме. Мы только что мылись. Хотите принять ванну?

— Нет, спасибо.

— Ну, тогда садитесь. Я давно хотела вас повидать и очень рада. Вот сейчас сварим суп, запрем Катьку в ванной комнате и наговоримся вволю.

Когда мы лежали в клинике, Елизавета Сергеевна не раз подшучивала над своими длинными ногами, и все-таки я не думала, что она на целую голову выше меня. Она была большая, но вовсе не длинная, не угловатая, а легкая, неторопливо-грациозная, с плавной походкой. Все шло к ее высокому росту: и крупные, сходящиеся брови, и смуглость, и выражение смелости, вдруг мелькавшее в исподлобья брошенном взгляде. Разговаривая с нею в клинике, я часто испытывала неловкое чувство, происходившее, мне кажется, оттого, что между нами не было ни малейшего душевного сходства. Сейчас она была радушнее, проще.

С первого слова она поняла, зачем я пришла, и выслушала меня молча, насупясь.

— Вот уж не ожидала, что он посмеет поручить кому-нибудь такой разговор. Даже вам.— Она взяла меня за руки.— Не сердитесь. Я его люблю, что мне перед вами таиться. Но вы не знаете, как это трудно — любить его,— какое это мученье! Ведь он нарочно пошел к Глафире Сергеевне.

— Нарочно?

— Да, да. Нарочно, чтобы потом мне рассказать. Я не верю, что из любопытства, да и откуда мог взяться в записной книжке ее телефон? Он купил в Москве эту записную книжку. Он помешан на своей свободе, и это даже не странно, потому что вся его жизнь с Глафирой Сергеевной была рабством, унизительным, подлым. Но как же он не понимает, что это постоянное напоминание оскорбляет меня!

Она сердито смахнула набежавшие слезы.

— Не нужен он мне со своей свободой, если она для него дороже, чем я. Да и что за детская выдумка, боже мой! Вот я люблю — нужна мне, что ли, свобода? Вы скажете, что

это ревность, и глупая, потому что глупо ревновать к женщине, с которой он расстался чуть ли не десять лет назад и которая причинила ему столько горя! Конечно, не стоит. Но вы не знаете его,— снова сказала она страстно.— Он беспечен, легкомыслен, он всегда полон только собой. Это сожаление о каждом ушедшем дне, если он прожит не так, как ему хотелось, это незамечание чужой жизни, потому что он всегда занят только своей! Он бы замучил меня, если бы я поехала с ним. Даже не он, я бы сама замучилась, и тогда мы поссорились бы навсегда, навсегда!

Дверь из ванной комнаты чуть-чуть приоткрылась: должно быть, Катька решила вознаградить себя за скучное ожидание и познакомиться хотя бы в общих чертах с душевной жизнью тети. Елизавета Сергеевна сердито захлопнула дверь.

— И потом, вы думаете, это легко — работать под его руководством? Мало сказать — он требователен. Он беспощаден. Попробуйте ошибиться, ответить приблизительно, опоздать... У него становится такое лицо, такой взгляд и голос, что только и впору провалиться сквозь землю!

Постучали, вошла коридорная, извинилась и задернула шторы.

— И еще одно,— продолжала Елизавета Сергеевна, когда девушка вышла.— Эта экспедиция... Вы знаете, куда его посылают?

— Куда — не знаю. Зачем — догадываюсь.

— Вам я могу сказать... В Иране чума, к нам обратились с просьбой о помощи. Вот видите, и вы взволновались. А Митя уверяет меня, что в наше время чума — это вздор. Врет, конечно?

— Врет.

— А ведь он отчаянный, вы не представляете себе, какой он отчаянный! Так еще и беспокоиться за него каждый час? Ну, нет! Благодарю покорно! Чему вы смеетесь? Скажите, Татьяна Петровна.

— Да нет же! Мне просто стало смешно, потому что Митя точно так же отозвался о вас: отчаянная, неосторожная. Вот что я думаю, дорогая Елизавета Сергеевна: я обещала ему уговорить вас, хотя мне все время казалось, что ехать в экспедицию прямо из госпиталя, после тяжелого ранения,— это ошибка, которая может дорого обойтись и вам и ему. Теперь я вижу, что это не ошибка, а безумие. Противочумная экспедиция, да еще за рубежом, в чужой, незнакомой стране, без подготовки... Да он не имеет права брать вас с собой!

Это была минута, когда мне показалось, что Елизавета Сергеевна ждала от меня совсем другого, надеялась, что я стану уговаривать, убеждать ее. И тогда, может быть... Странное выражение мелькнуло на ее взволнованном, побледневшем лице.

— Да, вы правы,— сказала она грустно.— Мы расстанемся надолго, на полгода. Ну что ж! Быть может, это и к лучшему. Передайте ему, что я не поеду.

Дверь из ванной комнаты снова приоткрылась.

— Тетечка Лизочка, теперь можно? — жалобно пропищала Катька.

Это уже было однажды: я приехала к Мите, когда от него ушла Глафира Сергеевна, и нашла его в отчаянии, в тоске, потрясенного несчастьем, которое заставило его пересмотреть всю свою жизнь. В опустевшей, пропахшей табачным дымом комнате он шагал из угла в угол, запахивая измятую пижаму, грустно поглядывал туда и сюда, и в каждом его слове была видна усталость надломленного человека.

Теперь все было совсем иначе, и все-таки, возвращаясь от Елизаветы Сергеевны, я живо представила себе, как Митя, которому тесно в нашей маленькой комнатке, мечется, натыкаясь на стулья и прислушиваясь к каждому скрипу двери, а Андрей сидит на корточках перед буржуйкой, колет дрова и немного косящими глазами, как всегда, когда он сердится, поглядывает на брата.

Ничуть не бывало! В комнате было холодно и дымно, на столе стояла пустая бутылка и валялся скелет какой-то глубоководной рыбы, а братья лежали валетом на кровати и мирно разговаривали: вспоминали молодость, гимназию, Лопахин. Впрочем, говорил главным образом Андрей, а Митя лишь изредка вставлял два — три слова и всякий раз с оттенком горечи, которую я не знала, чему приписать: бутылке ли на столе или другой, более серь-

езной причине? На меня братья не обратили никакого внимания, и только когда, растопив печку, я полезла под кровать, где у нас был устроен дровяной склад, Митя сонно посмотрел на меня одним глазом.

— А помнишь Саньку? — спрашивал Андрей.

Это был учитель математики, и он смешно изобразил его: заморгал и озабоченно почесал подбородок,— должно быть, похоже, потому что Митя, несмотря на свое мрачное настроение, так и покатился со смеху.

— Нет, Санька что! — сказал он.— В ваше время это была уже не та гимназия. А помнишь тетку Пульхерию?

И, хохоча, он стал вспоминать какую-то тетку, сестру отца, которая, приехав в Лопахин, потребовала, чтобы ей устроили «красную комнату», и бедная Агния Петровна, заняв под вексель, велела оклеить комнату красными обоями и заказала красный абажур на толстых красных шнурах.

Андрей удивился:

— Позволь, я забыл, а почему красную?

И Митя, слегка заплетаясь, объяснил, что у тетки была «отталкивающая внешность» и что на красном фоне эта внешность меньше отталкивала, так что в конце концов один ветеринарный врач предложил тетке руку и сердце. Рассказывая эту историю, он внимательно присматривался ко мне, очевидно, не узнавая.

— А, Танечка, это вы? — сказал он и сделал попытку, совершенно безнадежную, сесть на постели.— А мы тут рас... расположились и отдыхаем.

— Я вижу, как вы отдыхаете.

— Да,— гордо сказал Митя.— А что? Все люди как люди. Я один как собака.

— Оставь, разве она понимает? Слушай, а ты помнишь этого, как его... из восьмого «А»? У него еще была хорошенькая сестра, за которой ухаживал Ванька Зернов?

— Коржич?

— Да, да.

— Мими-собачья морда?

— Да, да,— сказал Андрей с наслаждением и засмеялся.— Мне мерещится или это правда, что Рубин напился и доказывал, что нужно его утопить? Я был тогда маленький, и все, что вы говорили, казалось мне значительным, необыкновенным.

Должно быть, долго еще продолжались бы эти то скорбные, то восторженные признания, если бы я не потребовала, чтобы братья слезли с постели. Они покорно слезли и немного постояли, дружески поддерживая друг друга и вспоминая, как было хорошо, пока я не пришла. Потом Митя подмигнул брату, и Андрей, сделав серьезное лицо, присел на корточки и стал шарить в углу, где были сложены книги. Водку выдавали довольно часто, почти каждый месяц, почему-то на промтоварные единички, но за книгами стояла бутылочка заветная, настоенная на тархуне,— накануне решено было распить ее на митиной отвальной.

— Андрей!

Он сделал вид, что не слышит.

— Перестань!

Значительно моргая, Андрей достал бутылку и передал ее брату.

— Да что вы, товарищи, ошалели? С чего бы это?

— По стопочке!

— Никаких стопочек! Пора спать! Митя, у вас завтра трудный день.

— Вот и нужно, чтобы была легкая ночь.

— Дайте сюда бутылку.

Митя погрозил мне.

— Э, нет! — пьяным, добрым голосом сказал он.— Я еще не забыл, как вы швырнули в форточку коньяк, когда я жил на Садовой. А какой был коньяк! Пять звездочек, боже правый! — И он высоко поднял руку с бутылкой.— Достанете — ваше!

— И не подумаю. Пейте, пожалуйста. Кстати, вам не хочется узнать, что ответила мне Елизавета Сергеевна?

Трудно было поверить, что минуту назад Митя стоял посредине комнаты, глупо хохоча, упираясь бутылкой в потолок. Точно я взмахнула волшебной палочкой, он отрезвел стремительно, мгновенно.

— Вы говорили с ней? Вы у нее были?

— Да, была.

Митя поставил бутылку на стол.

— Не томите, Татьяна! Что она вам сказала?

— Завтра, завтра! Сегодня вы не годитесь для серьезного разговора.

— Так ведь я же не знал, что вы пошли к ней сегодня!

— Вот и поговорим не сегодня, а завтра.

— Танечка!

— Нет, нет!

— Андрей, скажи ей!

— Ну, нет. Это ваши дела. Я в них не мешаюсь.

— Татьяна, я очень прошу вас!

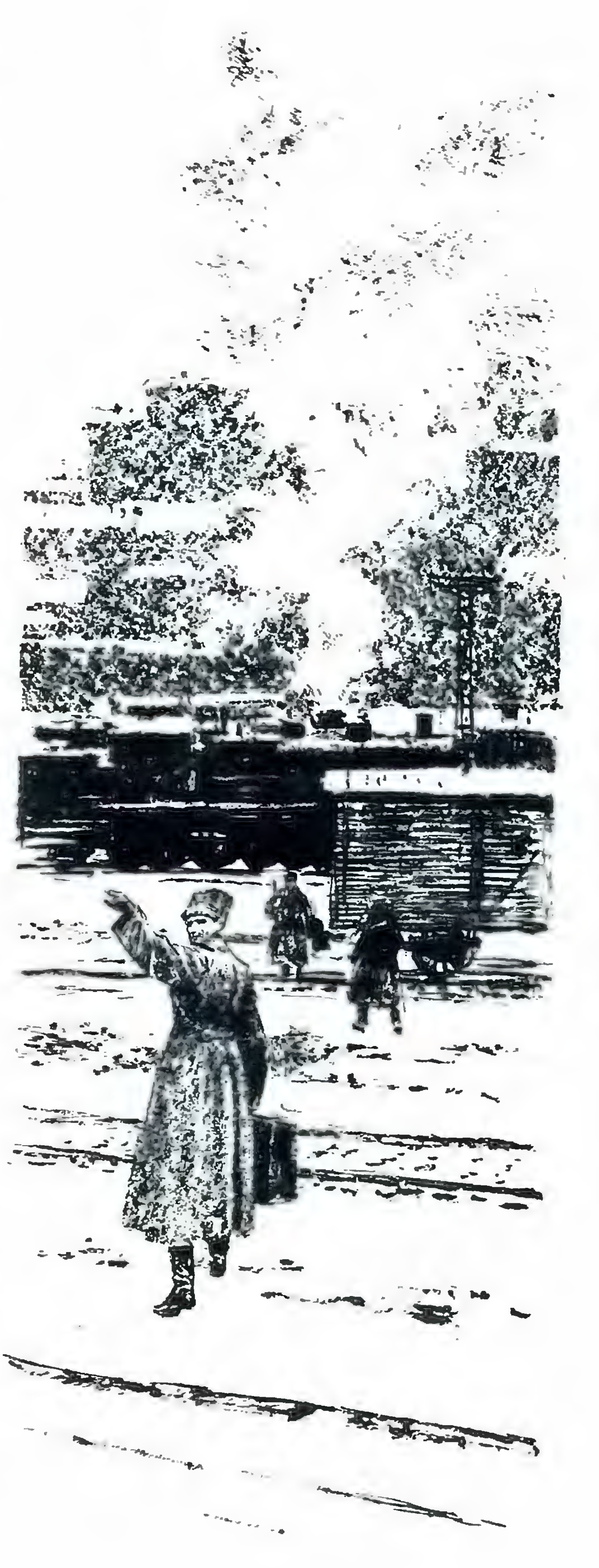
— Нет!

Я не слышала, как раздался звонок. Андрей вышел в переднюю и вернулся — тоже другой, сдержанный, смущенный.

— Митя, к тебе.

Елизавета Сергеевна не вошла, а влетела в комнату, быстро дыша, в распахнутом полушубке, взволнованная, румяная, с испуганными глазами.

— Татьяна Петровна, простите, но я...— сказала она дрогнувшим голосом.— Когда вы ушли, я решила... Я испугалась, что Дмитрий Дмитриевич позвонит куда-нибудь, что я отказалась. Познакомьте же меня с братом, сумасшедший человек,— сказала она, и слезы стали быстро капать на полушубок.— И больше не сердитесь на меня. Я еду, еду.

Лирика

Платон ВОРОНЬКО

Мать

Когда катер в Каховку приходит
и редеет рассветная мгла,
поднимается мать на восходе,
как бы поздно вчера ни легла.
Перед зеркалом станет седая,
принарядится, хоть и стара,
и спешит, по настилу шагая,
к голубому причалу Днепра.
Видит девушек новых, нездешних,
задает им вопрос у ветлы:
«Не из Хухри вы? Не из Олешни?»
«Нет, бабуся, с Десны и Сулы».
И седая, вздыхая глубоко,
провожает до места гостей.
Где-то две ее дочки далёко...
Десять лет уже нету вестей.
Может, знает, взяла их могила,
не вернутся они на заре,
да сжимается сердце тоскливо,
лишь заслышит гудок на Днепре.

☆ ☆ ☆

Кинь в озеро камень —
круги по воде.
Так песней откликнется эхо везде.
Так в памяти лишь на тебя набреду —
и я уж покоя нигде не найду.
У озера есть берега. И всегда,
достигнув земли, затихает вода.
В душе моей нет берегов, камыша.
Без тебя беспокойною будет душа.

☆ ☆ ☆

Когда умрешь ты, память о тебе —
лишь только труд твой,
ничего другого.
Да, если ты героем был в борьбе,
оберегал людей от лиха злого,
иль зодчим был — дворцы сооружал,
иль подчинял капризную природу,
иль просто сваи в землю забивал,—
все это остается для народа.
А коль не так, то, честно говоря,
ты жил напрасно
и родился зря.

☆ ☆ ☆

Пахнет хлеб...
Как сладко пахнет хлеб
Любовью тружеников,
Радостью земною,
И солнышком, и щедрою весною,
И нашим счастьем! День труда окреп!
Душисто пахнет хлеб.

☆ ☆ ☆

Там, где пыль вилась на воле,—
Сплошь луга,
Там, где юным шел я в поле,—
Берега,
Берега пруда большого,
Синь-вода.
А навстречу черноброва,
Молода.
Я позвал — остановилась.
Взор прямой.
Усмехнулась, удивилась:
«Кто такой?»
А я вспомнил, вспомнил быстро.
Ой, краса!
Та ж улыбка вроде искры,
Та ж коса.
Та же глубь в открытом взоре.
Нет, не та...
Это дочка той, которой...
Ой, лета!

Перевел с украинского
Сергей Васильев.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ СЛОВО

Н. ЛОГИНОВ

В архиве Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина (ИМЭЛС) бережно хранятся оригиналы и гранки номеров нелегальной большевистской газеты «Вперед», издававшейся в Женеве в 1905 году. С большим волнением перелистываешь эти драгоценнейшие документы.

Оригиналы и гранки каждого номера «Вперед» сложены в отдельной папке. Н. К. Крупская и другие сотрудники газеты в трудных нелегальных условиях сумели сохранить их в целости и переправить через рубежи в Россию.

Берем одну из папок. Это оригиналы материалов, готовившихся в последний, восемнадцатый номер газеты «Вперед», вышедший 5 (18) мая 1905 года. Вот передовая статья «Первое мая». Ленинская статья «Политические софизмы». Тетрадь в синей обложке — рукопись статьи «О вооруженной борьбе», в которой даются практические советы, как рабочим готовиться к уличным боям. Еще несколько статей на острые политические темы. Корреспонденции из Одессы, Ростова, Ярославля... Вот на розовой бумаге письмо рабочего из Сормова. Автор писал об уроках забастовки под свежим впечатлением событий, писал химическим карандашом. Рукой Н. К. Крупской бережно сделана небольшая правка. Чувствуется, что, следуя указанию Владимира Ильича Ленина, Надежда Константиновна стремилась сохранить дух, стиль, язык письма рабочего. Вот письмо из Одессы. Но почему же оно доставлено в редакцию из Берлина? Это конспирация. Для того, чтобы скрыть корреспондентов от царской охранки, чтобы не допустить провала партийных организаций, поддерживавших связь с газетой «Вперед», письма из России в Женеву пересылались обходным путем: через Германию, Францию, Англию, откуда друзья газеты направляли их в редакцию. Порой переписка велась при помощи шифра и симпатических чернил. В папках имеются и такие письма. Но подлинников рабочих писем немного, большинство их переписано рукой Крупской, Бонч-Бруевича и других сотрудников редакции. Подлинники писем, оказывается, сжигались. Это делалось также из конспиративных соображений.

Печаталась газета «Вперед» на тонкой бумаге, что облегчало ее доставку в Россию. Тончайшие листы газеты прессовались и вклеивались внутрь толстых обложек альбомов, фотографий, различных футляров. Все эти вещи рассылались почтой или с оказией по адресам, присылаемым из России.

Газета «Вперед» оказала огромное влияние на развитие местной большевистской печати. Партийные комитеты перепечатывали материалы «Вперед», и прежде всего статьи В. И. Ленина, издавали их отдельными листовками и брошюрами, помещали в местных печатных органах.

В ИМЭЛС имеются письма ЦК партии к местным партийным организациям в России по вопросам партийного строительства. Почти в каждом из них — неизменный призыв: присылать в газету «Вперед» корреспонденции и способствовать распространению газеты.

III съезд РСДРП отметил выдающуюся роль «Вперед» в борьбе с меньшевизмом, за восстановление партийности, в постановке и освещении вопросов тактики, выдвинутых революционным движением, и выразил благодарность редакции газеты. Съезд принял решение создать Центральный орган партии — газету «Пролетарий». Редактором был утвержден В. И. Ленин. «Пролетарий» издавался в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. За это время вышло 26 номеров.

Газета «Пролетарий», как и «Вперед», продолжала линию старой, ленинской «Искры». Ленин опубликовал в «Пролетарии» 69 статей и заметок. Архив «Пролетария», оригиналы и гранки почти всех его номеров также бережно хранятся в Институте Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Партия всегда заботилась о периодической печати. В 1905—1907 годах в России выходило свыше 100 большевистских газет, журналов и бюллетеней. К сожалению, полных комплектов некоторых большевистских газет и журналов не сохранилось. До сих пор ведутся поиски недостающих номеров. Работники архивов часто обнаруживают их в делах жандармских управлений, Департамента полиции или Комитета по делам цензуры, занимавшихся удушением свободной печати. Совсем недавно, например, в одном из архивов было обнаружено три экземпляра «Нижегородской крестьянской газеты», выпущенной крестьянской группой Нижегородского комитета РСДРП в декабре 1905 года.

Первой легальной большевистской газетой в 1905 году была «Новая жизнь». «**Теперь,** — писал Ленин Плеханову в связи с основанием «Новой жизни», — самой широкой трибуной для нашего воздействия на пролетариат является **ежедневная** питерская газета».

Для выпуска этой газеты большевики воспользовались разрешением, имевшимся у поэта Минского. Он и значился редактором «Новой жизни», фактически же ее редактировали большевики.

По возвращении из эмиграции в Петербург, в ноябре 1905 года, Ленин стал непосредственно руководить выпуском «Новой жизни». В газете были опубликованы известные работы В. И. Ленина: «Партийная организация и партийная литература», «Войско и революция», «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти», «Пролетариат и крестьянство», «Социализм и религия» и другие. Поскольку газета «Новая жизнь» была легальна, статьи В. И. Ленина широко перепечатывались не только большевистской печатью, но и многими газетами других направлений.

«Новая жизнь» печаталась на четырех — шести страницах большого формата. В газете был литературный отдел, помещались произведения видных писателей, публицистов. Регулярно печатались фельетоны. М. Горький, принимавший непосредственное участие в организации «Новой жизни», специально для нее написал «Заметки о мещанстве».

Выход в свет первой легальной большевистской газеты был встречен передовыми людьми России с восторгом. Подписка поступала в контору ежедневно. Почтовые переводы доставлялись корзинами. Из губерний посылались телеграфные просьбы о высылке газеты. Не зная подписной цены, многие посылали сотни рублей по телеграфу с просьбой высылать газету. Тираж ее достиг 80 тысяч экземпляров.

В шестом номере «Новой жизни» было опубликовано следующее обращение: «Вследствие непредвиденного тиража и ввиду отсутствия запасов соответствующего качества бумаги в Петербурге, газету приходится временно печатать на менее плотной бумаге, в чем контора «Новой жизни» извиняется перед читателями».

Рассчитывая на широкие массы рабочих, крестьян, интеллигенции и солдат, газета регулярно печатала материалы под рубриками: «Из жизни рабочих», «Из партийной жизни», «Профессиональные союзы», «Областной отдел», «В учебных заведениях», «В армии», «Среди солдат».

Интересным был в газете отдел «Русская печать». В острых полемических заметках изо дня в день велась борьба с буржуазной, либеральной печатью, беспощадно разоблачалась ее предательская роль.

«Новая жизнь» уделяла большое внимание освещению революционных выступлений интеллигенции, учащихся средних и высших учебных заведений, сообщала о царских расправах с революционной частью интеллигенции.

2 (15) декабря 1905 года газета «Новая жизнь» была закрыта. Последней каплей, переполнившей чашу терпения властей, было опубликование в № 27 газеты финансового «Манифеста» Петербургского Совета, призывавшего население брать вклады из государственных сберегательных касс. Последний, 28-й номер газеты был выпущен уже нелегально. Но закрывалась одна газета, а вскоре появлялась другая. Другая по наименованию, но с теми же идеями, с теми же революционными призывами.

В ноябре — декабре 1905 года Московский комитет издавал одновременно две газеты: «Борьбу» и «Вперед». На их страницах широко освещался ход революционных событий в стране, деятельность партийных организаций. К осени 1905 года большевики Москвы имели в разных концах города пять подпольных типографий.

В Петербурге в апреле 1906 года была создана газета «Волна», которую редактировал В. И. Ленин. После закрытия «Волны» выходили газеты «Вперед», «Эхо». Потом большевики приступили к изданию в Петербурге еженедельника «Тернии труда», его заменили «Простые речи» и «Зрение». В день открытия Государственной думы вышла легальная газета большевиков «Новый луч», которую закрыли на седьмом номере. Но сразу же была создана газета «Рабочая молва», затем «Наше эхо» и, наконец, «Труд».

В Москве в 1906 году выходили газеты «Социал-демократический рабочий листок», «Светоч», «Солдатская жизнь», «Солдатская мысль».

В Петербурге издавался еженедельник «Молодая Россия», рассчитанный на студенческую молодежь.

Несколько большевистских газет выходило в Закавказье. Здесь прежде всего следует назвать первую легальную газету, выходившую в Тифлисе под руководством И. В. Сталина и С. Г. Шаумяна, «Кавказский рабочий листок». В Грузии выходили нелегальная «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата»), легальная «Ахали цховреба» («Новая жизнь»), а после ее закрытия — еженедельная газета «Ахали дроеба» («Новое время»).

Большевики создали ряд печатных органов в крупных рабочих центрах. На Урале — «Уральская газета», «Уральский рабочий», в Киеве — «Работник», в Баку — «Бакинский рабочий», в Елисаветграде — «Голос рабочего», в Чите — «Забайкальский рабочий», в Нижнем Новгороде — «Труд», в Костроме — «Северный рабочий». «Уфимский рабочий» выходил в Уфе вплоть до 1908 года. Всего вышло 28 номеров этой газеты.

«Известия Совета рабочих депутатов» издавались во многих крупных промышленных центрах. В некоторых городах выходили «Бюллетени». В Прибалтике большой популярностью пользовалась латышская газета «Циня» («Борьба»). Десятки большевистских газет выходили в армии.

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

К 75-летию со дня рождения румынского писателя М. Садовяну

Михаил Садовяну — один из тех писателей, в творчестве которых раскрывается вся жизнь их родины. В его книгах с такой любовью, так образно и живо изображены люди и земля Румынии, что, читая Садовяну, как бы совершаешь настоящее путешествие в его страну. Читая книги Садовяну, веришь, что ты вел беседы со сдержанными, духовно богатыми крестьянами Румынии, видел ее знойные, засушливые степи, мощные разливы Сирета.

Вся жизнь Садовяну связана с румынскими трудящимися, особенно с крестьянами. Вместе с народом Садовяну в условиях старой Румынии искал выхода, боролся. Вместе с народом Садовяну в 1944 году, когда Румыния была освобождена от фашистской диктатуры, вступил на новый, светлый путь.

Творчество Садовяну обогащалось под влиянием революционных событий. Самые смелые произведения он написал под воздействием крестьянского восстания 1907 года («Подстрекатель», «Кроты») и Великой Октябрьской революции (романы «Улица Лэпушняну», «По Серету мельница плыла» и другие). Освобождение Румынии вдохновило Садовяну на создание известного романа «Митря Кокор» и исторического романа «Никоарэ Подкова» — о дружбе украинского и румынского народов.

В своих книгах Садовяну клеймит бояр и ростовщиков, судей и примарей. С большой реалистической силой он показывает забитость и бесправие крестьян. Надолго запоминается образ полупарализованной старухи, которую заставили жать на барском поле за долги угнанного на войну сына: «Старуха, опираясь локтями, ползала по раскаленной пашне, похожая на дождевого червя. Она захватывала рукой пучки пшеницы и срезала их блестящим серпом».

Но Садовяну и в произведениях, написанных до освобождения Румынии, любил изображать непокорных, мятежных героев. Это люди со связанными крыльями, но это крылатые люди. Перед сдержанной силой и суровой правдой простого мужика нередко трепещут помещики, управляющие. Молодой «либеральный» помещик из повести «Боярский грех», даже застрелив крестьянина, дочь которого он обесчестил, не может забыть, как на него поднялись сильные крестьянские руки. В повести «Кроты» лютость помещичьего управляющего наталкивается на твердость бездомного батрака по имени Лепэдату (брошенный). Повесть вселяет чувство надежды, и после победы Лепэдату по-иному воспринимаются образы крестьян, гнувших спину в глухом поместье и не видевших ни города, ни железной дороги.

Зарождение новых сил в Румынии показано писателем еще в 1923 году в романе «По Серету мельница плыла». Нарисованная с садовяновским умением создавать словом четкий зрительный образ, картина наводнения приобретает символическое значение. Взбунтовавшийся Серет уносит не только боярскую мельницу и мост, связывавший обе половины огромного имения Филоти. Вместе со всякой рухлядью уходят в прошлое покорность народа, боярское землевладение, рушатся устои старой жизни.

Боярин Филоти распродает имения и кончает жизнь самоубийством. Положение севшего на его место выскочки-буржуа непрочно; у него на глазах, в семье его жены, затеваются споры о социализме... Крестьяне, согнанные спасать мост, не торопятся приступать к бессмысленному делу. Сторож дед Пахоме, братья Андроне и Василе Бребу хорошо понимают свои, крестьянские интересы. Упорный правдоискатель Андроне, хотя и не может найти истинной дороги, всю жизнь борется с помещиком и примарем, вызволяет брата из лап продажных и пристрастных судей, посылает учиться племянника. Не смиряется и Василе, хотя его дерзкая удаль разменивается на озорство и личную месть боярам, которые увезли полюбившуюся ему женщину, а его самого бросили в острог.

Свет правды, которого не хватало героям романа «По Серету мельница плыла», пришел в Румынию с Востока. В удостоенном Золотой медали мира романе «Митря Кокор» писатель рассказал, как преображается темный батрак, побывавший на советской земле. Опираясь на поддержку коммунистической партии, Митря становится застрельщиком земельной реформы в родных местах.

И старые и новые книги Садовяну отражают настойчивую внутреннюю необходимость преобразований, происходящих в Румынии после 1944 года.

Логика жизни и творчества Садовяну привела его в ряды передовых строителей народной Румынии. Садовяну участвует в построении новой жизни в родной стране как писатель, борец за мир, как государственный деятель.

Советские люди поздравляют Михаила Садовяну с его славным семидесятипятилетием и желают ему новых успехов во всех областях его многогранной деятельности.

Н. БАЛАШОВ

Путь к свободе

Революционная романтика — отличительная особенность романа И. Овчаренко «Путь к свободе», повествующего о суровой и мужественной борьбе крымских партизан.

1919 год. Место действия — город Керчь и его знаменитые каменоломни, превращенные партизанами в неприступную крепость, о которую не раз разбивались соединенные силы белогвардейцев и интервентов.

Через весь роман проходит самый юный и романтичный герой — Петька Шумный, стройный парнишка с озорными глазами, сын керченского рыбака, участник многих боевых операций, отважный моряк и разведчик. Петьке довелось изведать и белогвардейскую камеру с допросами и пытками, и трудную жизнь в осажденных каменоломнях, и упоение в бою, и первую возвышенную любовь к Ане Березко, выполняющей опасные поручения партизан. Глазами Петьки показаны многие события, на его стороне симпатия автора.

Среди образов партизан, судьба которых особенно близка читателю, выделяются образы большевиков Ставридина, Коврова, Бардина, Горбылевского и Савельева.

Участник партизанской борьбы в керченских каменоломнях, Овчаренко ярко и увлекательно рассказывает об этой борьбе. Полюбятся читателю командир отряда Колдоба, народный мститель, наводящий страх и ужас на белогвардейцев неожиданными, хорошо продуманными атаками и вылазками, неуловимый и храбрый, не свободный от пережитков анархизма Дидов, старый рыбак Мартын Березко и другие.

Сильное впечатление производит описание происходившего в каменоломнях съезда большевиков. Узнав о съезде, белогвардейцы пытаются окружить каменоломни и уничтожить делегатов съезда. Разгорается напряженная борьба. Партизаны выходят победителями и наносят противнику один за другим серьезные удары.

В романе немало подробностей, рисующих борьбу интервентов против революции. Широко использованы исторические документы тех лет.

В галерее образов врагов революции запоминается фигура палача-садиста ротмистра Мултых, начальника контрразведки Цыценко, крупного помещика, лидера татарских националистов Абдуллы Эмира, «табачного короля», миллионера Месаксуди.

Воспитательное значение романа усилилось бы, не будь в нем существенных недостатков. Не показан приход Красной Армии, которого с нетерпением ждут измученные голодом, замурованные в каменоломнях партизаны. Язык романа не свободен от погрешностей. Это особенно относится к первой книге, отредактированной недостаточно тщательно.

Иван Овчаренко. Путь к свободе. Роман в двух книгах. Издательство «Советский писатель». М. 1954.

И. АСТАХОВ

«Страницы из прошлого»

Книга Ф. П. Хитровского «Страницы из прошлого», выпущенная недавно Горьковским книжным издательством, посвящена жизни М. Горького в Нижнем Новгороде. Автор ее длительное время общался с великим русским писателем, а после его смерти был организатором «Домика Каширина» — музея детства А. М. Горького.

Автор знакомит читателя с редакционными буднями газеты «Нижегородский листок», где работал тогда М. Горький. Приводя некоторые новые факты, Ф. Хитровский показывает личные взаимоотношения М. Горького и Ф. Шаляпина.

Много внимания уделено в книге общественной и революционной деятельности великого писателя. С волнением читается, например, рассказ об устройстве М. Горьким новогодних елок для детей бедных родителей.

Н. ПИЯШЕВ

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ЖИВОПИСЦЕВ

Картина К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова», появившаяся на выставке в 1864 году, вызвала восторженные отзывы художественной критики. Высоко оценивал картину и В. Стасов.

Флавицкий воспользовался старинной полулегендой о княжне Таракановой-Володимирской, называвшей себя дочерью Елизаветы и якобы претендовавшей на русский престол. Утверждали, что Тараканова, заключенная в Петропавловскую крепость, погибла во время наводнения. На самом же деле Тараканова умерла двумя годами раньше. Изображая несчастную женщину, загубленную в одиночной камере, Флавицкий полагал не без основания, что его полотно будет воспринято современниками как обличение самодержавия. Так и получилось. Академия художеств удостоила Флавицкого звания профессора, но картину не приобрела. Причиной тому было неудовольствие царского двора, приказавшего в каталоге выставки против произведения Флавицкого напечатать: «...сюжет этой картины заимствован из романа, не имеющего никакой исторической истины».

«Очень сожалею, что я так мало знаю о Флавицком, — писал Крамской, — ...мимо «Княжны Таракановой» пройти нельзя. Это вещь крупная...»

В картине «Дождь в дубовом лесу», написанной в последнее десятилетие жизни художника, И. И. Шишкин выступает как лирик, но лирик своеобразный, умеющий и лирическому пейзажу придать свойственный живописцу размах. С поразительным мастерством передан в картине пронизанный дождем воздух; живопись ее тонка, музыкальна. Это чарующий образ природы, щедро напоенный влагой. Как и все другие работы художника, «Дождь в дубовом лесу» — яркое свидетельство того, с каким пристальным вниманием и любовью изучал Шишкин натуру. Художник-патриот, он мечтал о том времени, «когда вся русская природа живая и одухотворенная взглянет с холстов русских художников».

Картина И. Н. Крамского «Неутешное горе» — одно из самых известных произведений в русской живописи. Долго и мучительно работал над ним Крамской. Навеянная личной трагедией (смертью любимого сына), картина подвигалась медленно. По собственному признанию Крамского, он работал, искренне сочувствуя материнскому горю, работал, вкладывая в картину «кровь и нервы художника». Три варианта создал Крамской, прежде чем написал свое замечательное произведение. Оно сильно разнится от первоначального замысла, где мать, будучи не в силах уйти от гроба, в отчаянии опустилась на пол.

Вспоминая о впечатлении, вызванном появлением этой картины, Репин писал, что оно было глубоким, потрясающим. Казалось даже, что это не картина, а реальная действительность.

Силою своего огромного таланта И. Н. Крамской поднялся до высот обобщения. Его полотно по-настоящему трагично и утверждает духовную красоту материнства. Изумительно лицо матери, поразительно верно написана нервная рука, скомкавшая платок. Все просто, никакой аффектации, но материнское горе волнует каждого.

Е. БРАГИНСКИЙ

К. Д. Флавицкий (1830—1866). КНЯЖНА ТАРАКАНОВА. 1864. Государственная Третьяковская галерея.

И. И. Шишкин (1832—1898). ДОЖДЬ В ДУБОВОМ ЛЕСУ. 1891.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Н. Крамской (1837—1887). НЕУТЕШНОЕ ГОРЕ. 1884.

Государственная Третьяковская галерея.

ЛОНДОНСКИЕ ВСТРЕЧИ

К. НЕПОМНЯЩИЙ,

специальный корреспондент «Огонька»

Английская столица нынешней осенью — это прежде всего хорошая, без дождей и туманов погода и столь же хорошее настроение лондонцев. Теплый женевский ветер, достигнув берегов Англии, вызвал здесь много добрых надежд. В немалой степени этому содействовало появление советских моряков у Букингэмского дворца, на Пикадилли, на Ист-Энде. Повсюду их встречали в высшей степени дружески.

Да, Лондон живет новыми надеждами. Прислушиваясь, однако, к рассуждениям простых людей, нетрудно было уловить и усиливающуюся тревогу. У многих бодрое настроение омрачается сознанием, что гонка вооружений — очень шаткая основа для «процветания», для так называемого экономического «бума», о котором любят писать в газетах.

Притихшие было после Женевы сторонники «холодной войны» ожили и начинают выступать все развязней.

«Возможна ли дружба с Востоком? — спрашивают они, воздевая руки к небу.— И разве не ясно, что сокращение вооружений повлечет за собой экономический кризис?»

Переход к мирной экономической программе или гонка вооружений — вот что волнует сейчас англичан. Естественно, что именно эта тема неизбежно всплывала в наших беседах с лондонцами.

У Бертрана Рассела

Лауреат Нобелевской премии Бертран Рассел согласился принять корреспондента журнала «Огонек». Мы идем по Куинс-Роуд — улице Королевы, отыскивая дом сорок один. Нелегкое это, однако, дело. Развернув путеводитель по Лондону, вы увидите, что есть несколько Куинс-Роуд. Улица, где живет лорд Рассел, находится в районе Ричмонда, который в недавнем прошлом был самостоятельным городом, а сейчас стал частью Большого Лондона.

Но вот наконец небольшой двухэтажный дом, окруженный садом. По крутой лестнице поднимаемся на второй этаж и входим в рабочий кабинет самого известного философа современной Англии. Квадратная комната полна книг. Большое, в полстены окно, выходящее в сад, открыто. Горит камин. Из-за круглого стола поднимается невысокий худощавый человек с седой шевелюрой и нависшими черными бровями, из-под которых смотрят молодые глаза. Я благодарю Бертрана Рассела за то, что он нашел время, чтобы принять меня.

— Что вы, что вы! — говорит он, взмахивая зажатой в руке трубкой.— Я рад видеть в своем доме представителя московского журнала.

Передав Бертрану Расселу привет от академика А. В. Топчиева и других его московских друзей, я рассказываю о том большом впечатлении, которое произвело его послание к участникам Ассамблеи Мира в Хельсинки, где мне довелось побывать. Ученый говорит, что самая главная задача, которая стоит сегодня перед человечеством, заключается в том, чтобы предотвратить атомную войну и этим самым ликвидировать опасность новой войны вообще.

— Во время Женевы это поняли обе стороны,— с удовлетворением замечает Бертран Рассел.

— Каковы, по вашему мнению, перспективы движения народов за мир после того, как над Англией и над всем миром пронесся благотворный женевский ветер?

— Женевский ветер,— с улыбкой повторяет Рассел.— Я думаю, что после Женевы опасность войны стала меньшей. Хотя многие спорные вопросы все еще не разрешены, опасность войны стала, бесспорно, меньшей. Теперь люди спят спокойнее. У них больше уверенности, что все эти спорные вопросы могут и должны быть разрешены мирным путем, и только мирным путем.

Разговор заходит о том, что сейчас волнует всех людей доброй воли,— о сокращении вооружений. Бертран Рассел, конечно, осведомлен о том, что Советское правительство решило сократить свои Вооруженные Силы на 640 тысяч человек. Вспомнив о том, что Государственный договор с Австрией был заключен по инициативе Советского правительства, он заключает:

— Эти шаги Советского правительства заслуживают самой высокой оценки.

Наш собеседник с нескрываемым неудовольствием говорит о том, что позиция ООН по многим важнейшим вопросам, требующим немедленного разрешения, не содействует разрядке международной напряженности.

— Как можно мириться с тем,— восклицает ученый, что Китай до сих пор вне Организации Объединенных Наций! Противодействие США в этом вопросе совершенно неправильно и ничем не может быть оправдано...

Наш разговор заходит о самых различных международных событиях последнего времени. Лорд Рассел высказывает, на наш взгляд, спорные соображения по германскому вопросу. Эти соображения, видимо, следует объяснить тем, что Бертран Рассел не учитывает новой обстановки, сложившейся в Европе. Мы позволили себе заметить маститому ученому, что к счастью в международных отношениях все больше пробивает себе путь благотворная идея: искать не то, что разъединяет, а то, что сближает точки зрения по спорным вопросам.

— Я согласен с вами,— с улыбкой отвечал Рассел.

Нам интересно узнать мнение Рассела о том, что необходимо сделать для улучшения взаимопонимания между народами Англии и СССР.

— Я думаю,—отвечает Рассел,— что нам надо установить возможно больше контактов. Обмен делегациями следует поощрять. Поездки туристов должны стать обычным делом. Не менее важно нормализовать торговые отношения между нашими странами. Это — главное.

Затем лорд Рассел излагает свой личный план устранения угрозы войны. В связи с тем, что деятельность ООН не приносит желаемых результатов, следовало бы, по мнению Бертрана Рассела, создать международный орган, в котором коммунисты и не коммунисты выступали бы на равных условиях, а такие страны, как Индия, играли решающую роль. Что касается Востока и Запада, то, как выразился наш собеседник, они должны заявить об отказе от идеи мирового господства.

Заметив, что последняя сессия ООН прошла в несколько лучшей обстановке, чем предыдущая, я сказал, что советские люди борются за то, чтобы превратить ООН в эффективное орудие мира.

— Я согласен с вами,— ответил Бертран Рассел,— но все-таки чего может добиться ООН, если в ее рядах нет такой великой страны, как Китай?

— Мы верим, что Китай будет членом ООН.

— Я тоже верю в это,— говорит Рассел,— и надеюсь, что не только Китай, но и другие страны, такие, например, как Италия, должны занять наконец свое место в этой организации.

Несколько минут назад лорд Рассел бросил фразу о том, что «Восток и Запад должны заявить об отказе от идеи мирового господства».

— Неужели,— спросил я,— вы верите в басни о мнимой советской угрозе? О каком стремлении Советского Союза к мировому господству может идти речь, если Советское правительство сокращает армию?

— Вы меня неправильно поняли! — энергично возражает Рассел.— Я антикоммунист. Я всегда стоял на антикоммунистических позициях, но я считаю, что Советский Союз вовсе не стремится к мировому господству. Вы меня не поняли.

Мы снова возвращаемся к вопросу о сокращении вооружения. Главная трудность, по мнению Рассела, здесь заключается в том, чтобы установить эффективный контроль. Каждая сторона должна достоверно знать об уровне вооруженных сил партнера. В этой связи предложение Советского правительства о создании контрольных постов представляется лорду Расселу хорошей идеей. Он стоит за создание действительно нейтральных контрольных постов и верит в то, что они могут принести большую пользу делу мира.

— Мне хотелось бы,— говорит в заключение лорд Рассел,— чтобы вы в точности донесли мои взгляды до читателей вашего журнала.

Бертран Рассел.

Мэр Лондона: «Я строитель и горжусь этим».

Выбраться из лабиринта Ричмондских улиц не менее трудно, чем отыскать среди них нужный вам дом. Мы теряем много драгоценного времени, и это беспокоит моего спутника. Сейчас четыре часа, а на пять тридцать назначена встреча с мэром английской столицы — сэром Сеймуром Говардом. Неужели мы за полтора часа не доберемся до центра города?

— Может быть, и нет,— отвечает мой спутник.— Вы не представляете себе, что такое Большой Лондон.

Действительно, чтобы добраться до здания мэрии, потребовалось больше часа. Мы были почти у цели, когда очутились в потоке медленно движущихся машин. У каждого семафора стояли три, а иногда и пять минут. Это был лондонский час пик. В пять тридцать мы решили было пойти пешком, но из машины не выйдешь.

— Опаздываем,— сокрушался мой спутник.— В Лондоне вежливость — это прежде всего точность.

Улучив удобный момент, выскакиваем из автомобиля и отправляемся к мэрии, находящейся в двухстах метрах. Старый швейцар в красной ливрее с сочувствием смотрит на нас, а затем на часы: они показывали тридцать семь минут шестого. Проходит еще несколько томительных минут — и мы видим пожилого человека, медленно спускающегося с лестницы. Это секретарь мэра. Взглянув на часы, он холодно говорит мне:

— Лорд мэр, по-моему, уже одет для торжественного обеда.

Лицо секретаря непроницаемо, глаза смотрят неприветливо. Через минуту, однако, секретарь возвещает:

— Лорд мэр просит вас, господа.

Мы поднимаемся на второй этаж и полутемным залом проходим к кабинету Сеймура Говарда. Высокая резная дверь бесшумно отворилась, и на пороге мы видим стройного, уже немолодого человека. Дружески протягивая нам руки, он улыбается.

— Извините, сэр, за это опоздание! — говорю я горячо.— Но лабиринт Ричмонда, десять Куинс-Роуд, черепаший шаг в часы пик, и, кроме того, я первый день в Лондоне.

— Первый день в Лондоне! — восклицает мэр.— Садитесь, друзья, и чувствуйте себя как дома.

Секретарь, стоявший у дверей, широко раскрывает глаза.

— Дайте-ка нам для начала по рюмочке вина,— говорит, обращаясь к нему, мэр.— За что мы поднимем бокал?

— За ваше счастье, мэр,— отвечаем мы.

— Если вы хотите выпить за мое счастье, то выпьем за то, чтобы я снова мог увидеть Москву. Каждую минуту, проведенную в Москве, я был счастлив. Я видел энтузиазм вашего народа и ощущал дружеское расположение ко мне. Москва меня поразила. Она поразила меня своим прогрессом, своим гордым достоинством, миролюбием, добротой.

— Сейчас много говорят о дружбе английских и советских городов. Ковентри крепит свои связи со Сталинградом, Бирмингем со Свердловском, а Лондон с Москвой. Каковы перспективы этого движения?

— Мы очень рады,— отвечает Сеймур Говард,— что лондонцы все чаще приезжают в Москву, а москвичи в Лондон. А знаете, почему? Потому что вы нам нравитесь. Через несколько дней я ожидаю приезда господина Яснова. Я бы сказал, неплохая перспектива.

Вспомнив об обеде, на который собирался идти мэр, мы хотели было закончить беседу, но сэр Сеймур протестует: он никуда не торопится и готов отвечать на любые вопросы. Тогда я рассказываю о том, как мы были встречены его секретарем.

— О, вы должны простить его, ведь он ни разу не был в Москве! — смеется Сеймур Говард.— А впрочем, его чопорность и мой оптимизм — это и есть Англия, маленькая картинка лондонской жизни.

Сеймур Говард затем говорит о широкой международной торговле. Эта тема, очевидно, его также серьезно интересует.

— Торговля между нашими странами,— развивает он свою мысль,— представляется мне в виде дороги доброй воли, дороги к лучшим отношениям. Мы должны расширять эту дорогу и не жалеть для этого труда.

— К такому выводу вы пришли после своей поездки в Москву?

— Да. Я считаю, что экономика Англии требует широких торговых связей с Россией. Если торговля мне представляется в виде дороги доброй воли, то взаимопонимание мне хотелось бы сравнить с мостом дружбы. Вы думаете, что я мэр Лондона, и только? — неожиданно спрашивает Сеймур Говард.— О нет! С тех пор, как я приехал из Москвы, я стал строителем этого моста между нашими странами, и я горжусь новой профессией.

Мы стали было прощаться, но мэр сказал, что он должен нам показать старинное здание, в котором мы находились. Секретарь бежал впереди и зажигал люстры в огромных полутемных залах.

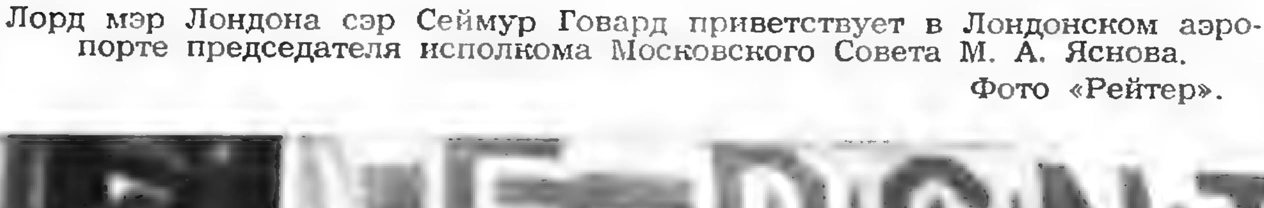
— Здесь мы принимаем гостей,— объяснял мэр,— здесь комната судьи, здесь малая гостиная со старинным камином, а здесь галерея моих предшественников — всех мэров Лондона.

Прощаясь, мы сердечно благодарили сэра Сеймура за его внимание и гостеприимство.

— А вы не благодарите меня,— отвечал Сеймур Говард с улыбкой.— Я ведь вас принял с корыстной целью... У меня просьба.

— Пожалуйста.

— Передайте через ваш журнал мои самые добрые и наилучшие пожелания всем москвичам!

Лорд мэр Лондона сэр Сеймур Говард приветствует в Лондонском аэропорте председателя исполкома Московского Совета М. А. Яснова.

Фото «Рейтер».

«Сто процентов успеха!»

Купив на вокзале Ватерлоо билет до Портсмута, я в дверях вагона неловко столкнулся с маленьким упитанным господином в старомодном котелке и с длинной сигарой в зубах. Казалось, он сошел со страниц какого-то романа начала века.

— Вы едете в Портсмут? — спросил он.

— Да.

— Уж не пришли ли вы к нам на кораблях с адмиралом Головко и его ребятами?

— Именно так.

— Тогда вы поедете со мной в одном купе,— решительно заявил он и, взяв меня за руку, повел через весь вагон.

В купе незнакомец вынул из бумажника визитную карточку. На ней значилось: «У. Т. Лавертон. Директор. Компания по производству железнодорожных вагонов и запасных частей. Отделение в Стоке, Честерфилде и Лондоне».

— В Лондоне вы были по служебным делам? — спросил я, взглянув на его солидный портфель.

— Да. Я участвовал в конференции по борьбе с заводской пылью.— Он раскрыл портфель и помахал перед моим носом пачкой мелко исписанных бумаг.— Сто процентов успеха!.. Я деловой человек,— объявил он после паузы.

— Вы не собираетесь в Москву? — спросил я снова, предлагая ему «Беломорканал».

Закурив, он ответил вопросом на вопрос:

— А почему вы так думаете?

— Вы сами сказали, что вы деловой человек.

— Я выпускаю буксы, вагоны, железнодорожные рельсы. Вам это нужно?

Я сказал, что мне трудно ответить на этот вопрос, и посоветовал приехать в Москву с какой-нибудь туристской группой. Лавертон с улыбкой ответил, что это неплохая идея, и, пожав мне руку, рассмеялся.

— Было время,— сказал он серьезно,— когда наши страны имели хорошие торговые отношения. К несчастью, последние годы породили много подозрений. Мы не работали вместе. А сейчас мы должны торговать, и подозрения должны исчезнуть. Англия не может жить без торговли с Востоком,— заключил он.

— Что вы думаете о визите советской эскадры в Портсмут?

— Сто процентов успеха! — энергично отвечал Лавертон.

Это, очевидно, была его любимая фраза.

— Кстати, кто первый предложил этот визит: вы или мы? — спросил он.— Впрочем, это неважно. Важно, что вы к нам пришли, а мы к вам. Наши деловые люди тоже должны почаще встречаться с вашими деловыми людьми.

— Тогда будет сто процентов успеха? — сказал я.

— Сто процентов,— засмеялся он.

Так в беседе незаметно пролетели сто километров, отделяющих Лондон от Портсмута.

— Вы мой должник,— сказал мистер Лавертон, прощаясь.

— Почему?

— Два часа я говорил с вами на приличном английском языке, и ваш английский должен улучшиться.

— Спасибо.

— Спасибо — это десять процентов. Если хотите остальные девяносто, приходите ко мне завтра в гости. Мы будем квиты.

У меня было мало времени, и я колебался.

— Завтра воскресенье,— настаивал Лавертон.— Я пришлю к трапу крейсера «Свердлов» свой «Даймлер». У меня машина точно такой марки, на какой ездит королева.

Эта деталь показалась мне внушительной, и я согласился. На следующее утро в доме моего нового знакомого я слушал музыку Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова. Оказывается, мистер Лавертон — страстный почитатель русской музыки. Раскрыв дверцы большого шкафа, он показал свои богатства. Здесь были пластинки с записью всей «Пиковой дамы», «Бориса Годунова», «Князя Игоря», «Хованщины», десятки пластинок Шаляпина, Собинова и церковной музыки.

Мы слушали «Дубинушку» в исполнении Шаляпина.

— Я не знаю языка,— горячо говорил мистер Лавертон,— но какая музыка! Лавли! Лавли![1] Вы не жалеете, что пришли ко мне? — спрашивал он.— Не правда ли? Сто процентов успеха! Согласны?

— О да! — отвечал я.— Сто процентов.

Он проводил меня до трапа крейсера «Свердлов», и мы расстались, условившись встретиться снова в Москве в начале будущего года.

---

[1] Прекрасно! Прекрасно!

НОВАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ БАЗА

Череповецкий металлургический завод.

Интервью «Огонька»

П. БОБЧЕНОК,
главный инженер треста «Череповецметаллургстрой»

Фото С. Фридлянда.

Еще совсем недавно в этих местах были заросли камыша и кустарника, среди которых водились дикие утки. А теперь здесь высятся огромные цехи Череповецкого металлургического завода. Он уже сейчас занимает территорию в 250 гектаров, а к концу будущей пятилетки она увеличится больше чем втрое.

На Кольском полуострове открыты богатейшие месторождения железной руды. Возить ее к существующим металлургическим заводам далеко и невыгодно. На Печоре быстро развивается Воркутинский угольный бассейн. Череповец — самое удобное место встречи кольской руды и воркутинского угля, ибо здесь проходят железнодорожные и водные магистрали, связывающие комбинат с потребителями металла.

Северо-западный район нашей страны и главным образом ленинградские машиностроительные предприятия потребляют огромное количество металла. Завозить его приходится издалека: с юга — за 1 500 километров, с Урала — за 2 200 километров и даже из Сибири — за 4 тысячи километров. Дорогое удовольствие! Глубокие исследования, произведенные группой ученых во главе с академиком И. П. Бардиным, доказали экономическую целесообразность создания на северо-западе своей мощной металлургической базы.

Работы на стройке Череповецкого завода ведутся на высоком уровне комплексной механизации. Для примера укажу, что на песчано-гравийном карьере всего 78 рабочих обеспечивают добычу более 200 тысяч кубометров строительного материала за одну навигацию. За 54 часа было выполнено в зимнее время бетонирование фундамента домны.

Особенно широкое применение находит у нас железобетон. Колонны, балки, перемычки, крупноразмерные плиты перекрытий, фундаментные блоки — везде сборный железобетон с успехом заменяет металл и дерево, а главное, значительно ускоряет строительство.

Пуск первой домны — только начало. Без преувеличения можно сказать, что перспективы развития этого завода грандиозны. Во всяком случае, мы, строители, устраиваемся здесь надолго. Лет через пять станут в ряд несколько мощных доменных печей, будут построены коксовые батареи, крупные мартеновские печи, сталепрокатные цехи.

Череповецкий завод создается с учетом самых последних достижений в металлургическом производстве. Даже внешний вид того же доменного цеха резко отличается от других доменных цехов. В Череповце отсутствуют железнодорожные эстакады с обычной для них пылью. Нет паровозов, нет сотен вагонов, подающих шихту от вагоноопрокидывателей. Вся эта дорогая и сложная часть внутризаводского транспортного хозяйства заменена простой, дешевой и, кстати сказать, более гигиеничной системой ленточных транспортеров. Заключенные в легкие и светлые галереи общим протяжением в 10 километров, они управляются диспетчером на центральном пульте. Контроль и руководство потоками ведутся с помощью радио и телефонной связи.

Высокая автоматизация управления доменным хозяйством исключает применение ручного труда. Все тяжелые работы выполняют машины. Немногочисленный персонал управляет ими или следит за приборами.

В заключение следует сказать и о самом Череповце. По существу, здесь сейчас создается совершенно новый город. В начале столетия в Череповце было 12 тысяч жителей, за три десятилетия эта цифра возросла до 20 тысяч, а сейчас население Череповца исчисляется десятками тысяч человек. Все здания новой части города имеют центральное отопление. В недалеком будущем, когда завершится строительство коксохимического завода, мы порадуем домашних хозяек газовыми кухнями.

Череповец становится городом металлургов, городом во много раз больше, красивей и благоустроенней старого Череповца.

Диспетчерский пульт управления на агломерационной фабрике.

Следопыт

Евгений РЯБЧИКОВ

Рисунки Г. БАЛАШОВА.

Н. Ф. Карацупа в редакции журнала «Огонек».

Фото автора.

СВИНЦОВАЯ КУПЕЛЬ

— Гирченко! Полежаев! Лобанов! — подозвал к себе шепотом курсантов Карацупа.— Наблюдайте за тем берегом. Сообщите, что заметите. Ясно?

Курсанты, польщенные заданием, залегли в кустах.

— Все спокойно, товарищ Карацупа! — отрапортовал темноголовый веселый Гирченко.— Тихо.

— Отставить! Смотреть лучше! — рассердился следопыт.

— Есть отставить! — покорно сказал Гирченко. Он потупил глаза, но тотчас вновь впился ими в чужой берег.

Нет, ничего не видел он там подозрительного.

— Смотри на куст! — приказал ему Карацупа, показывая пальцем на прибрежные заросли.— Ветка качнулась? Почему? От ветра? Ветер дует на север, ветку клонит на юг. Странно? Может, птица качнула? Нет, от птицы ветка дрожит по-особому, а не так, когда заденут ее плечом и остановят рукой потом. Тень от камня видите? Приглядитесь — горбатится она, потом уменьшается, а так, с первого взгляда,— ничего, спокойно. Вот как хитро солдат подтягивают. Умно ведут операцию. Знают, черти, дело!

Пораженные курсанты молча смотрели за реку.

— Теперь вот что, Гирченко,— обратился следопыт к черноволосому курсанту.— Беги на заставу. Поднимай тревогу. Сообщи: на участке в устье сосредоточиваются солдаты. Понял? Повторять не нужно. Ползи тихо. Не выдавай себя. Скажи начальнику заставы — жду приказаний. Дело серьезное, международными осложнениями пахнет. Действуй!

Гирченко мгновенно исчез. На его месте появился Полежаев, коренастый, мускулистый курсант. Он тоже жаждал выполнить любой приказ следопыта.

— Смотри!..— сказал ему Карацупа.

На чужом берегу показался грузовик. Один... второй... третий... Из них выпрыгнули солдаты, стащили на землю резиновые лодки, понесли к реке, торопливо надули их и спустили на воду.

— Это еще что такое?..— нахмурился Карацупа.— Десант?..

Вскоре из подкатившего лимузина вышел толстенький, низкорослый офицер в роговых очках, с седыми висками. Он снял фуражку, вытер платком лысину и дал знак солдатам. Те перенесли в лодки треногу теодолита, полосатые топографические рейки, стальные рулетки.

— Запоминайте все...— шептал Карацупа.— Серьезное дело начинается...

Офицер вынул бинокль, посмотрел на советский берег, внимательно оглядел кусты, в которых скрывались пограничники, и передал бинокль сопровождавшему его молодому офицеру. Видимо, его обеспокоило какое-то колебание ветвей в кустах. Молодой офицер навел бинокль на берег, остановился на кустах, за которыми притаился Карацупа, и спокойно опустил бинокль. Он, очевидно, не заметил ничего подозрительного.

Лодки отчалили и поплыли через реку. На первой сидел тучный офицер. Он подносил к глазам фотоаппарат, щелкал затвором.

— Так... Они еще находятся в нейтральной зоне... Вот уже подходят к рубежу...— отмечал про себя Карацупа.— К нам идут... Полежаев! — повернулся он к лежавшему рядом курсанту.— Бегом к дубу, доложи по телефону обстановку. Быстро!

На место Полежаева лег около Карацупы курсант Лобанов.

— Лобанов! — обратился к нему Карацупа.— Заходи справа, готовься отрезать нарушителей от границы. Ползи тихо. Прячься за камнями. Стрелять сейчас запрещаю. Понятно?

— Так точно!

Лобанов шмыгнул в кусты, пополз за камнями и вскоре исчез на правом фланге. Около Карацупы лежал курсант Кривошеев. Он, как и его товарищи, выжидательно смотрел на следопыта.

— Кривошеев! — Карацупа бросил пытливый взгляд на курсанта.— Ползи на левый фланг. Будешь отрезать отступление по линии границы. Только не стрелять. Когда скомандую,— бей! Ясно?

Лодки подошли к нашему берегу. Солдаты вытащили их на песок, достали треногу теодолита, потащили рейки. Не спеша вышел из лодки офицер. Сквозь темные очки он посмотрел на берег, покрутил головой, словно был чем-то недоволен, и сделал снимок. Солдаты торопливо поставили треногу, водрузили на нее теодолит. Офицер подошел к инструменту, поправил фуражку и прильнул к окуляру.

Перед Карацупой впервые встала необычайной сложности задача: до сих пор он боролся с тайными врагами, ловил их, искал следы, а сейчас явно, не таясь, враг нагло перешел границу, вторгся на советскую землю и делал вид, будто он ее хозяин. И этот офицер и солдаты — все провоцировало пограничников на конфликт. Враги ждали выгодной минуты, чтобы ударить потом из пулеметов и пушек, а вину за инцидент взвалить на пограничников. Один неверный шаг, малейшая ошибка — и может произойти конфликт.

Карацупа чувствовал, как стучит сердце. Что делать? Можно было, конечно, снять с себя ответственность и молча сидеть за камнями, терпеливо ожидая приказаний с заставы. Но в это время будет ходить безнаказанно по советской земле враг, проводить топографическую съемку, щелкать фотоаппаратом. А за ним переплывут на лодках новые подкрепления, подвезут пушки и пулеметы, чужие солдаты окопаются на нашем берегу. Этого он, Карацупа, не допустит. В то же время нужно быть чрезвычайно осторожным: стоит хоть одной советской пуле ударить в чужой берег, как она немедленно станет «вещественным доказательством» мнимой агрессивности советских пограничников. Что же делать?

Седой офицер не спеша оставил теодолит и позвал с той стороны группу солдат. В эту минуту поднялся и Карацупа. Одернув гимнастерку, словно перед торжественной церемонией, поправив на голове фуражку, он взял наизготовку свою любимую короткоствольную кавалерийскую винтовку «драгунку» и шагнул к офицеру. Тот не растерялся: движением руки продолжал вызывать к себе на переправу солдат.

— Данная территория — Союза Советских Социалистических Республик! — громко, чеканно сказал Карацупа.— Вы нарушили границу. Предлагаю немедленно очистить советскую территорию.

Карацупе показалось, что он стоит на какой-то высокой горе, и его, Карацупу, видно со всех сторон, и даже в Кремле видно, как он действует. И отовсюду смотрят: верно ли поступает пограничник?

Офицер сделал вид, что ничего не слышит и не видит Карацупу. Следопыт терпеливо повторил всю фразу и добавил:

— Ответственность за инцидент возлагается на вас, господин офицер. Понятно?

— Вы ошибаетесь, солдат,— ответил по-русски офицер, мелко засмеялся, поднял фотоаппарат и снял Карацупу.— Это наша земля. Вы плохо знаете границу.

Карацупа вспыхнул, насупил брови:

— Господин офицер, я пришел сюда не шутить, я требую немедленно очистить советскую землю! Ясно?

Офицер пожал плечами, вернулся к теодолиту, дав понять, что разговор окончен. Карацупа крикнул рычавшему Ингусу: «Фу! Спокойно!» — и во весь рост пошел на правый фланг. Выбрав удобную для стрельбы позицию вдоль границы, он остановился и вскинул «драгунку».

— Последнее предупреждение! Предлагаю немедленно очистить территорию Советского Союза!

— Послушайте, солдат! — брезгливо сморщившись, процедил седой офицер. — Там,— он показал рукой в перчатке на противоположную сторону,— там стоят орудия, там солдаты, и, если вы не оставите нас в покое, заговорят наши пушки. И, уверяю вас, всю ответственность будете нести только вы, невоспитанный, грубый солдат. Идите прочь!

— Господин офицер, срок моего ультиматума окончен. Вы на чужой земле. Руки вверх! Сдавайтесь!

— Что такое? Молокосос!.. — взревел офицер. — Взять! — повернулся он к своим солдатам.

Щелкнул короткий выстрел. Карацупа опустил «драгунку». Офицер, вскинув руками, повалился на треногу, но не успел он упасть на землю, как в несколько прыжков Карацупа добрался до него,

Окончание. См. «Огонек» №№ 42, 43, 44.

схватил труп, взвалил себе на спину, словно щит от выстрелов, и скрылся с ним в кустах.

Солдаты бросились в лодки и, что было сил загребая веслами, поплыли к себе. На противоположном берегу послышались дикие вопли, на галечном приплеске показалась пушка, из-за скалы затрещал пулемет.

— Не отвечать! — закричал курсантам Карацупа. — Не стрелять!

— Цвик... цвик... — пролетали пули.— Цвик... цвик...

Из-за скалы, нависшей над противоположным берегом, гарцуя, сверкая огоненными саблями, выскочили кавалеристы. Короткими перебежками рассыпались солдаты пехотной части. Ожесточенно стреляли два пулемета, заливавшие свинцом надпойменную террасу.

Пограничники молчали. Карацупа оттащил подальше труп офицера, спрятал его за валуном, приказал Ингусу охранять его, а сам выбрался к обрыву, с которого осмотрел весь берег.

— Правильное решение! — послышался за его спиной голос начальника заставы. Возбужденный бешеной скачкой, капитан лежал рядом с Карацупой и осматривал реку.

Карацупа повернулся.

— В двенадцать тридцать противник стал сосредоточиваться, — торопливо отрапортовал он капитану, — в двенадцать пятьдесят пошли через реку лодки...

— Не надо! — крикнул капитан. — Все правильно. По Уставу. Везите труп, кони у дуба. Я принимаю командование.

Прощаясь с начальником заставы, Карацупа сказал:

— Полезли — получили! Дай им поблажку — так руки оторвут. Спектакль скоро кончится. А курсанты наши сразу в свинцовую купель попали. Это ничего, крепче будут!

ЧТО С ИНГУСОМ!

Карацупу вызвали в Москву, в Кремль, получать орден. В столице он был впервые, и все ему было в ней интересно: ее улицы, площади, театры, музеи. Большое впечатление произвел на следопыта музей пограничных войск, — он ходил из зала в зал, подолгу останавливался около стендов, видел фотографии, снимки и документы, воскрешавшие бои в лесах и болотах Карелии, в песках Средней Азии, в таежных чащах Дальнего Востока. И вдруг он вздрогнул: со стенда смотрел на него Ингус. Фотография Ингуса в музее! Даже не верилось. Оглянувшись по сторонам, чтобы другие пограничники не заметили его растерянности, Карацупа прошел мимо стенда, но вскоре вернулся и посмотрел на снимок. Ингус, высунув язык, внимательно глядел на следопыта. На другом снимке фотограф запечатлел Никиту Федоровича с Ингусом, а на третьем Карацупа стоял во весь рост — подтянутый, крепкий, с литыми мускулами под гимнастеркой. Рядом с фотографиями виднелись схемы, на которых стрелками указывалось, где и как вел погоню Карацупа за бандами. Под стеклом лежали захваченные следопытом у врагов пистолеты, трости с тайными ружейными стволами в середине, банки с ядом и опиумом, кинжалы, рубчатые круглые гранаты.

— Этот стенд, товарищи, — услышал за своей спиной Никита Федорович, — посвящен боевым действиям проводника-пограничника Карацупы. Это его портрет, это его розыскная собака из породы восточноевропейской овчарки, Ингус. На этой схеме вы видите...

Карацупа побоялся повернуться. Заалели его уши, налилась багрянцем шея, и вдруг где-то в глубине зала послышался голос человека, привыкшего к громким армейским командам:

— Товарища Карацупу срочно к телефону!

Позади остались удивленные экскурсанты, застывший экскурсовод, мелькнули знамена, стенды, винтовки, разбитые пулеметы. Карацупа бежал, чувствуя, что произошло что-то важное. Он схватил телефонную трубку.

— Тяжело ранен Ингус... — Начальник политического управления прочитал содержание телеграммы и добавил: — Считаю, вам нужно немедленно вылетать. Билет заказан. За орденом приедете потом, а сейчас нужно спасать Ингуса. Помните: Ингус дорог не только вам; это замечательная, дорогая для всех пограничных войск розыскная собака. С вами полетит профессор, ветеринар, он уже поехал на аэродром. Сейчас за вами заедет машина. Извещайте меня о делах. Желаю успехов!

...Но Карацупе не довелось увидеть верного друга.

На аэродроме его встретил Василий Козлов, по-мужски сурово и молча обнял его, усадил в машину, повез на заставу.

— Говори, политрук!.. — хрипло бросил ему Карацупа.

Козлов рассказал. После отъезда следопыта в Москву Ингуса передали, как было условлено, другому проводнику, которого назвал сам следопыт. Новый хозяин сумел расположить к себе овчарку. Ингус грустил, печалился, но дело свое выполнял отлично. Дважды проработал он следы, и вожатый с напарником задержал контрабандистов, а потом диверсанта-одиночку.

Вдруг стали замечать на границе нечто странное: появится пограничник с собакой — с чужой стороны сейчас же открывают огонь, и все целятся в собаку. Начальник отряда догадался: хотят убить Ингуса. Он приказал выходить с ним только на дальние тропы.

Тогда враг приготовил другой удар.

Ночью Ингус взял след, резко повел по нему в сопки, затем круто описал дугу и пошел назад, к реке. Казалось, нарушитель отказался от мысли идти дальше и повернул к себе, назад. На полпути, прорабатывая след, Ингус вдруг зачихал, дико взвизгнул и, не пробежав и ста шагов, упал. След был отравлен.

Спасти Ингуса не удалось.

— Жалко Ингуса, жалко!.. — говорил Козлов. — Все его жалеют. Но сейчас, дружище, нужно думать о будущем. Воспитывай второго Ингуса. Если понадобится, дрессируй третьего, четвертого... На удар отвечай своим ударом.

Карацупа приехал на собачье кладбище, отыскал могилу Ингуса, выхватил наган и всеми патронами в барабане отсалютовал любимцу. Козлов молчал. Его трогала искренняя любовь следопыта к овчарке, и в этой любви к животному он понял «тайну» карацуповской дрессировки, воспитания и закалки собаки.

— Ну, гады, вы меня попомните!.. — мрачно выдавил из себя Карацупа. — Отомщу за Ингуса!

На границе вскоре заговорили о новом Ингусе. Что ни месяц — появлялся новый портрет Карацупы в многотиражке пограничных войск, а в маленькой своей записной книжечке Карацупа все чаще ставил цифры — они показывали, сколько нарушителей границы он задержал, — 100, 150, 200, 250... К этим цифрам прибавились другие: 100, 150, 200, 250... Это шел счет учеников Карацупы.

По общему признанию, Карацупа оказался не только замечательным следопытом, но и отличным педагогом, терпеливым, умным воспитателем. К нему приезжали и курсанты и преподаватели из спецшкол — все находили много нового в системе преподавания Карацупы, в его методике обучать практически, на самой границе: в нарядах, погоне, в бою.

Сам Карацупа и его ученики отличились на войне: он ликвидировал банды диверсантов, заброшенных самолетами, разоблачал коварную хитрость шпионов, железной рукой останавливал убийц. В непрерывных схватках погиб второй Ингус, потом убили третьего. Но Карацупа неизменно выходил на границу с Ингусом, такой же дымчато-серой, поджарой, мускулистой овчаркой, похожей на его первого бесстрашного четвероногого друга.

И вот — еще один подвиг следопыта.

КАРАЦУПИНА ПАДЬ

Ночь пришла хмурая и грозная. За окнами заставы лил обложной дождь, свистел во дворе ветер, уныло гудели кусты. По ту сторону границы тревожно выли собаки. В третьем часу Карацупу разбудил дежурный: наступил час обхода. Повыше подняв воротник кожаной коричневой тужурки, следопыт вышел со двора.

Неспокойно было на сердце у Карацупы, не нравились ему эта ночь, слякоть, промозглый ветер, обвисшие мокрые кусты, цеплявшиеся за ноги корневища и травы. Наряды, мимо которых он проходил, отлично несли службу, но глухое предчувствие беды не давало покоя и гнало его все вперед — в ночь, в дождь, по зарослям и травам.

«Что могут предпринять в такую пору нарушители? — спрашивал себя Карацупа. — Смогут ли они перехитрить наряды? Возможно ли проскользнуть им мимо патрулей?» Карацупа никогда не представлял себе врагов хилыми, трусами и глупцами; он знал, что через границу перебираются хорошо обученные, дерзкие и сильные негодяи.

Размышляя о возможных столкновениях с лазутчиками, Карацупа вышел с Ингусом на дозорную тропу и направился по ней в конец левого фланга заставы. На сопку трудно было взобраться: сверху, бурля и пенясь, неслись потоки, ноги плохо удерживались на скользкой глине, руки едва цеплялись за обмокший кустарник. Ингус устал и медленно шел в гору. На сопке из тьмы выросли окоченевшие от холода, продрогшие под дождем пограничники. С шинелей, фуражек и винтовок сбегали студеные струи. Увидев соседей, Карацупа улыбнулся: молодцы! Ему хотелось сказать им что-то хорошее, но граница была рядом, и поговорить не пришлось. Объяснившись знаками, они пошли молча каждый в свою сторону.

Возвращаясь, Карацупа избрал путь по кривой — резкими зигзагами, позволявшими захватывать большую территорию. В потемках Карацупа обходил рвы, загляды-

вал в ямы-ловушки, осматривал топкие места, на которых легко заметить следы. Дорога под дождем утомила его. Надо было бы отдохнуть, но, подгоняемый предчувствием опасности, он шел и шел, не давая себе отдыха, не останавливаясь хотя бы на минуту. Отяжелевшие ноги, устало шагавшие по размокшей земле, по скользким камням, набрякшим от дождя травам, цеплялись за коренья, путались в камышах, скользили по галечнику.

Луна мрачно светила сквозь кисею дождя. Она то исчезала в тучах, то появлялась в разрывах облаков.

Ингус сделал стойку. Застыл и Карацупа.

— Вперед! — приказал он и побежал за овчаркой.

Собака остановилась в кустах. Даже в темноте Карацупа увидел, что кусты потревожены: кто-то прошел через заросли. Он зажег смотровой карманный фонарик и направил невидимый со стороны луч на землю. На примятой траве виднелись следы. Узкий белый луч побежал по земле — показался отпечаток сапога, подкованного широкой металлической подковой, потом след мягких сыромятных постолов, кто-то еще шел в армейских ботинках, а от кого-то осталась мелкая сетка новых галош.

«Сколько же их прошло? Куда они идут? Кто они?» — лихорадочно думал Карацупа.

Ингус рвался вперед, тянул за поводок, чуть фыркал от волнения и ярости. Карацупа успокоил овчарку. Прежде чем броситься в погоню, он хотел точно узнать:

с кем имеет дело, сколько идет нарушителей? Показалась луна. В ее свете можно было рассмотреть величину шага, форму отпечатков стопы, линию походки — все, что образует «дорожку следов».

Карацупа заметил: нарушители оставили прямую «линию походки» — верный признак того, что прошли охотники или военные. Только люди, много шагавшие в своей жизни и хорошо тренированные, выносят ногу так прямо и так четко ставят ее перед собой. Охотникам нечего было делать глухой порой в пограничной зоне, да еще в дождь и темень. К тому же охотничий сезон кончился, следовательно, оставалось предполагать, что со стороны границы в тыл прошли военные. Но они скрывали свою принадлежность к армии, не хотели выглядеть военными, иначе зачем им нужно было надевать галоши, постолы и ботинки?

Следопыт знал: при медленной ходьбе длина шага равна примерно семидесяти — семидесяти пяти сантиметрам. Если же человек идет обычным «деловым» шагом, то шаг измеряется примерно восемьюдесятью сантиметрами, а при скорой ходьбе — девяноста сантиметрами. Карацупа, посмотрев на следы, определил среднюю длину шага в сто сантиметров и даже больше. Значит, нарушители бежали. Следы были стелющиеся. У Карацупы не оставалось сомнения: быстрым шагом банда перешла границу и пустилась бежать. Бандиты рассчитывали на быстроту передвижения. Над долиной свистел холодный ветер, лил дождь, гудела разбушевавшаяся река. Бандиты не боялись в такую погоду выдать себя шумом от ходьбы и бега.

Сколько же человек перешло границу?

Следы закрывались один другим, нарушители шагали то след в след, то сбивались и путались. Но каждый след имел характерный признак, и его нужно было отыскать и запомнить. В одном случае Карацупа заметил подковку с приплющенной шляпкой гвоздя на каблуке, в другом — рубец от пореза на гладкой подошве постолов, в третьем — вафельную поверхность галош. Освещая тонким круглым лучом фонарика следы, Карацупа быстро подсчитал: двигалась банда из девяти человек.

Рассматривая землю, Карацупа обратил внимание на несколько изломанную линию походки каждого нарушителя. Такая линия отражает напряженное состояние человека; изломанная линия походки бывает у стариков, которым нелегко передвигаться, у очень полных и грузных людей, у носильщиков груза. Невозможно было предположить, чтобы все нарушители, шагавшие впереди, оказались стариками либо чрезмерно тучными людьми. Значит, люди несли тяжести. Если это так, то заранее можно было предсказать, что они недолго смогут бежать, скоро выбьются из сил и захотят отдохнуть.

Важно было и другое: человеку, несущему груз, труднее обороняться, его легче взять в плен. Поэтому Карацупа решил не тратить дорогого времени на вызов наряда, а самостоятельно вести погоню. Он понимал, как ценна сейчас, во время сильного дождя, каждая минута: потоки могут смыть следы, а с ними исчезает и возможность преследовать врага.

Никита Федорович уже знал кое-что о банде: в ней девять человек, бандиты несут груз, все они военные.

Чем дальше преследовал Карацупа врагов, тем больше узнавал он о людях, которые бежали в сопки. Следы рассказали ему о главаре банды — впереди шел невысокого роста сильный человек. От его ног оставались ровные, четкие следы с хорошо вырезанными краями и глубоко вдавленными каблуками. Шаг у него был короток, тверд, как у невысоких ростом людей, давно привыкших к ходьбе. Он нес немного груза и, очевидно, прокладывал дорогу, командовал и наблюдал за движением банды. Иногда он останавливался, пропускал вперед своих товарищей и проверял, нет ли погони, затем снова выходил вперед.

Позади шайки, тяжело опираясь на трость, шел старик. Он торопился — при скорой ходьбе трость обычно ставится рядом с носком каждого второго шага правой ноги. Короткие, семенящие, слабые шаги выдавали не только старческий возраст замыкавшего, но и позволили Карацупе представить его внешний вид: это, должно быть, был худощавый, щуплый, злой, истеричный человек. У него длинные сухие ноги, которые он чуть волочит, и такие же длинные, отвислые руки. Об этом, в частности, можно было судить и по тому, как он откидывал трость и как ставил ее около ноги.

«Зачем взяли старика? — думал

нул в траву.

Передышка у них здесь была недолгой, — главарь, очевидно, решительно шагнул, взрыхлив каблуками сырую землю, затем следы его стали как бы прокатываться по сырой поверхности: он побежал, но никто не последовал его примеру.

«Так... они устали... — отметил про себя Карацупа. — Офицер их подгоняет... Это хорошо!..»

Теперь нужно было бежать, бежать что есть мочи. Карацупа побежал. Он сбросил кожаную куртку. Облегчение почувствовалось, но ненадолго. Впереди уже слышались треск, чавканье ног в глине. Сейчас! Сейчас! Чтобы бесшумно подобраться к банде, следопыт сбросил сапоги: в носках было легче. До банды оставалось немного. Он приблизился к ней вплотную и остановился: нужно было придти в себя, передохнуть, успокоиться и сейчас же принять решение: как захватить ему одному девять человек?

Банда отдыхала. За соседним кустом тяжело дышали люди. Они поправляли на себе тяжести. Налететь нужно внезапно, на марше, и тогда нарушители не смогут остановиться сразу, достать оружие и занять оборону.

Стоя за кустом, Никита Карацупа прислушивался, ждал.

За кустом стало тихо: перед выходом нарушители насторожились, нет ли погони. Шумевший дождь и вой ветра успокоили их. Банда тронулась. Только она вошла в черную падь, скрытую дубняком, как следопыт, бросившись вперед, закричал:

— Стой! Руки вверх!

Не давая опомниться бандитам, он стал «отдавать приказания»:

— Загаинов, заходи справа! Лаврентьев — слева! Остальным бойцам — на месте! Давай заходи, окружай! Ингус, бери! Ату!

Бандиты заметались. Главарь бросился в кусты и взвыл: Ингус укусил его. Коротконогий, коренастый, он поднял руки. Между тем Ингус уже успел покусать

кричал.

— Обманывает! Бей! Души!..

Ингус очутился на спине жилистого старика, повалил его, укусил в шею

— Товарищи, окружай гадов! Загаинов, выходи вперед. Сейчас я буду их конвоировать. А ну, становись попарно! Шагом марш!

Нарушители сбились в кучу,

ли старые буки, лианы свисали с грабов и диких яблонь. Прорываясь сквозь заросли, круто поднималась в гору широкая, тщательно распаханная служебная полоса. Из кустов выглядывали одетые в маскировочные халаты пограничники. Собаки следопытов спокойно бежали по дозорной тропе. Вдруг они насторожились.

— Булатников идет, — сказал Гирченко.

— Какой Булатников? — спросил я.

— Ученик Гирченко.— Карацупа любовно посмотрел на капитана.— У него хорошие ученики: Лазарев, Белокопытов, Путаев — много их. Самый молодой — ефрейтор Булатников.

Кусты раздвинулись. Мы увидели черную собаку и шагавшего за ней жгуче-черного, прокаленного солнцем ефрейтора Юрия Булатникова. Он остановил собаку, поправил на шее автомат, встал в положение «смирно».

Гирченко познакомил меня с ефрейтором Булатниковым, и я заметил, что капитан так же нежно, как недавно смотрел Карацупа на Гирченко, взглянул на юного следопыта.

— Имеет первое задержание,— сказал он, — отмечен в приказе. Хорошо работает! Видите значок «Отличный стрелок»? Снайпер! У ефрейтора тоже есть свои ученики — рядовые Стружкин, Шмаков, Поляков.

...По дозорной тропе вдоль служебной полосы шли трое — подполковник Карацупа, капитан Гирченко, ефрейтор Булатников, шли люди разных поколений, перенявшие друг от друга, как эстафету, традиции, опыт, знания. Даже в походке, в манере вести собаку было у Гирченко и Булатникова что-то очень характерное для Карацупы.

Так и идет из поколения в поколение пограничников — верных стражей родных границ — передача боевых традиций, традиций, исполненных доблести и славы.

боязливо построились попарно и, проклиная все на свете, шагнули вперед. В это время разорвало тучи. В тусклом свете луны белыми пятнами виднелись лица перепуганных людей. Шагая по вытоптанной звериной тропе с поднятыми руками, они мрачно и зло оглядывались по сторонам! Еще десяток шагов, и бандиты поняли: конвоирует их один только пограничник.

А Карацупа шел за бандой, сжимая в каждой руке маузер. Но смогут ли долго сдержать захваченных разведчиков следопыт и Ингус?

Половина серебряного диска исчезла в тучах. «Сейчас, сейчас!..» — повторял про себя Карацупа. Черное пятно прикрыло всю луну. И тотчас полил дождь. Словно по команде, послышался треск, из тьмы грянул выстрел, около виска Карацупы цвикнула револьверная пуля. Не прицеливаясь, он повернулся и выстрелил в куст, под корень. Кто-то вскрикнул, упал, поднялся и закричал еще сильнее от укусов Ингуса.

— Стой! Руки вверх! — разъярился следопыт. — Убью! Назад, гады!

Двумя выстрелами он подбил здоровяка, полезшего на него. Ингус в это время уложил в грязь обезумевшего старика, потом бросился на шею офицеру и заставил его поднять руки. Офицер не хотел сдаваться: он приказывал бандитам идти в наступление, убить Ингуса.

Вскинув маузеры, Карацупа твердо сказал:

— Стреляю!..

Из-за туч снова вырвалась луна. Бледные лучи ее скользнули по вороненой стали, зажатой в жилистых руках Карацупы. Вдруг офицер покорно шагнул назад, поднял выше руки и стал пятиться все дальше и дальше от следопыта. Потянулись кверху руки и остальных нарушителей. Сквозь шум дождя донеслись выстрелы, треск валежника, тяжелое дыхание бегущих пограничников.

Бандиты сбились в кучу.

— Вот так! Теперь стройся по двое, — приказал следопыт. — Сопротивляться вздумали?.. А ну, еще выше руки! Шагом а-а-рш!

Луна ушла и снова выглянула. Она видела, как, повесив головы, с высоко поднятыми руками, уныло шагали нарушители. В дрожащем белом свете шел за ними измученный Карацупа. А по узкой пади, ломая кусты, разбрызгивая воду, бежали на выручку бойцы тылового дозора.

— Загаинов, дорогой! Заходи вперед! — крикнул повеселевший Карацупа. — Бери их в кольцо! Окружай!..

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

О подвигах Карацупы не расскажешь в нескольких очерках.

Жизнь Никиты Федоровича, ветерана пограничных войск,— это подвиг, ставший нормой поведения, буднями службы. Подполковник, человек в летах, известный на границе следопыт, Карацупа сохраняет и сейчас свою солдатскую юность, остается настороженным часовым, для которого граница, застава — родное, священное место. Он не может жить в тишине служебного кабинета, вдали от застав; он там, где ходят наряды, где бредут по следам розыскные собаки, где погони, схватки, бои.

Дети Карацупы — и десятилетняя дочка Альбина и пятилетний Толя — и жена Мария Ивановна привыкли к вечным исчезновениям Никиты Федоровича. Иной раз его не бывает дома месяцами; тайной остаются для них головокружительные операции, которые проводит в это время следопыт в горах, или в пустынях, или в джунглях влажных субтропиков.

Когда нет Никиты Федоровича, Толя надевает простреленную пулями старую кожаную куртку отца. Он ползает в ней под стульями, изображая из себя то Ингуса, то следопыта. А когда возвращается отец, Толя садится ему на колени и требует рассказов об Ингусе. И много раз Карацупа, усадив на спину Толю, отправлялся с ним в удивительные путешествия по границам...

Как-то в гостях у Никиты Федоровича я встретил его старого друга, бывшего секретаря парторганизации далекой заставы, соседа по койке, подполковника Василия Андреевича Козлова. Теперь Василий Андреевич — заместитель начальника политического отдела округа.

— Вы заглядывали в книжечку товарища Карацупы? — спросил меня Козлов. — Там есть важные цифры, например, 467. Эта цифра означает, сколько задержал за свою жизнь нарушителей пограничник Карацупа. Можете представить, сколько бессонных ночей, погонь по снегам и болотам, кровавых схваток! Вечная опасность получить пулю в лоб или нож в спину. Там, в книжечке у подполковника Карацупы, есть еще одна интересная цифра — 800. Восемьсот следопытов подготовил Карацупа. Есть и на нашем участке границы старые воспитанники подполковника Карацупы, например, капитан Гирченко.

На одной из горных застав Никита Федорович Карацупа познакомил меня с темноволосым, остроглазым капитаном Гирченко. Запомнилось его умное, загорелое лицо, веселые веснушки на щеках.

Мы шли вдоль границы — Карацупа, Гирченко и я. Чуть шуме-

ПЛОТЫ ИДУТ ЧЕРЕЗ ШЛЮЗ

Оживленно на камском шлюзе в последние дни навигации 1955 года: то и дело гудят электровозы. Медленно откатываются в свои «шкафы» массивные 250-тонные ворота, и электровозы, натянув стальной трос, вводят в камеру шлюза большие, крепко сколоченные плоты. Это последние плоты камского леса, сплавленные с верховьев Камы в текущем году.

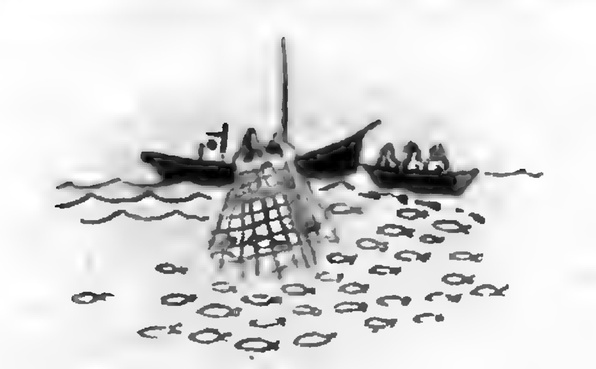
Богаты лесом прикамские края. Миллионы кубометров драгоценной древесины идут ежегодно вниз по реке для новостроек страны. Но вот уже второй год лес сплавляется необычным путем. Плоты идут по Молотовскому водохранилищу, проходят через камеры камского судоходного шлюза.

Шлюз — одно из крупнейших сооружений Камской ГЭС, оснащенное передовой техникой. Он состоит из двенадцати камер, вытянутых в две нитки. Вдоль камер проложены железнодорожные пути, навешаны провода. Нынешним летом здесь впервые в стране проводят плоты электротягой. Освободилось место, которое ранее занимал в шлюзе специальный буксир, что позволило увеличить длину плота на 50 метров. Почти вдвое сократилось время его проводки. С помощью электровозов можно пропустить через шлюз дополнительно более двух миллионов кубометров леса.

Некоторые плоты по внешнему виду напоминают огромные сигары. Это сигарообразные плоты морской сплотки, направляемые в порты Каспийского моря. Почти все они снабжены специальными брустверами и особенно прочными креплениями бортов. Ведь им приходится плавать в условиях далеко не всегда спокойного Молотовского моря, где в штормовую погоду высота волны достигает двух метров.

Когда лед скует Каму и камский шлюз прекратит работу, плоты, сформированные в верховьях Камы, еще долгое время будут путешествовать по водным магистралям юга...

А. ГРИГОРЬЕВ

ПО ИСЛАНДИИ

В. КИСЕЛЕВ и Л. МАКСИМОВ

Фото авторов.

Страна вулканов и гейзеров, смелых и мужественных людей, страна древних поэтических саг...

В конце IX века бежавший от гнева норвежского короля викинг Ингольфр Арнарсон приплыл к берегам острова. Он спустил за борт своего корабля деревянные столбы, стоявшие у него в доме в Норвегии, и дал обет обосноваться там, где волны выбросят их на берег.

Так, по преданию, Ингольфр Арнарсон, первый норвежский поселенец Исландии, основал Рейкьявик. В центре города на зеленом холме стоит памятник Ингольфру Арнарсону.

Красивы фиорды Исландии, ее бурные реки, мощные водопады и озера.

На берегах самого большого озера — Тингвадлаватн — более тысячи лет назад зародился первый в Европе парламент — исландский альтинг. Скалы на берегу озера священны для каждого исландца: здесь депутаты альтинга принимали законы республики. С тех пор это место называют Скалой законов.

В более поздние времена Исландия попала под власть норвежской, а затем датской короны. Владычество Дании продолжалось несколько столетий. Только в 1944 году Исландия снова стала самостоятельным государством.

В Исландии мало исторических памятников: иноземное владычество и суровый климат не способствовали их сохранению. Поэтому как реликвию берегут исландцы один из таких памятников в Рейкьявике — дом, построенный в 1752 году. Он самый старый в городе.

Природа страны сурова. Большая часть территории покрыта лавой, ледниками. Исландия — безлесная страна, и только кое-где растут небольшие березовые рощицы, за которыми исландцы любовно ухаживают.

Исландия — остров вулканического происхождения. В недрах земли и сейчас продолжается вулканическая деятельность. Здесь много горячих фонтанирующих источников — гейзеров. Природные источники горячей воды используются исландцами для отоплений жилищ, обогревания теплиц, в которых выращивают овощи, виноград и даже бананы.

Рейкьявик — административный, промышленный и культурный центр страны. Здесь работают правительственные учреждения, парламент, банки, торговые фирмы, здесь находится единственный в стране университет, на пяти факультетах которого учится 750 студентов.

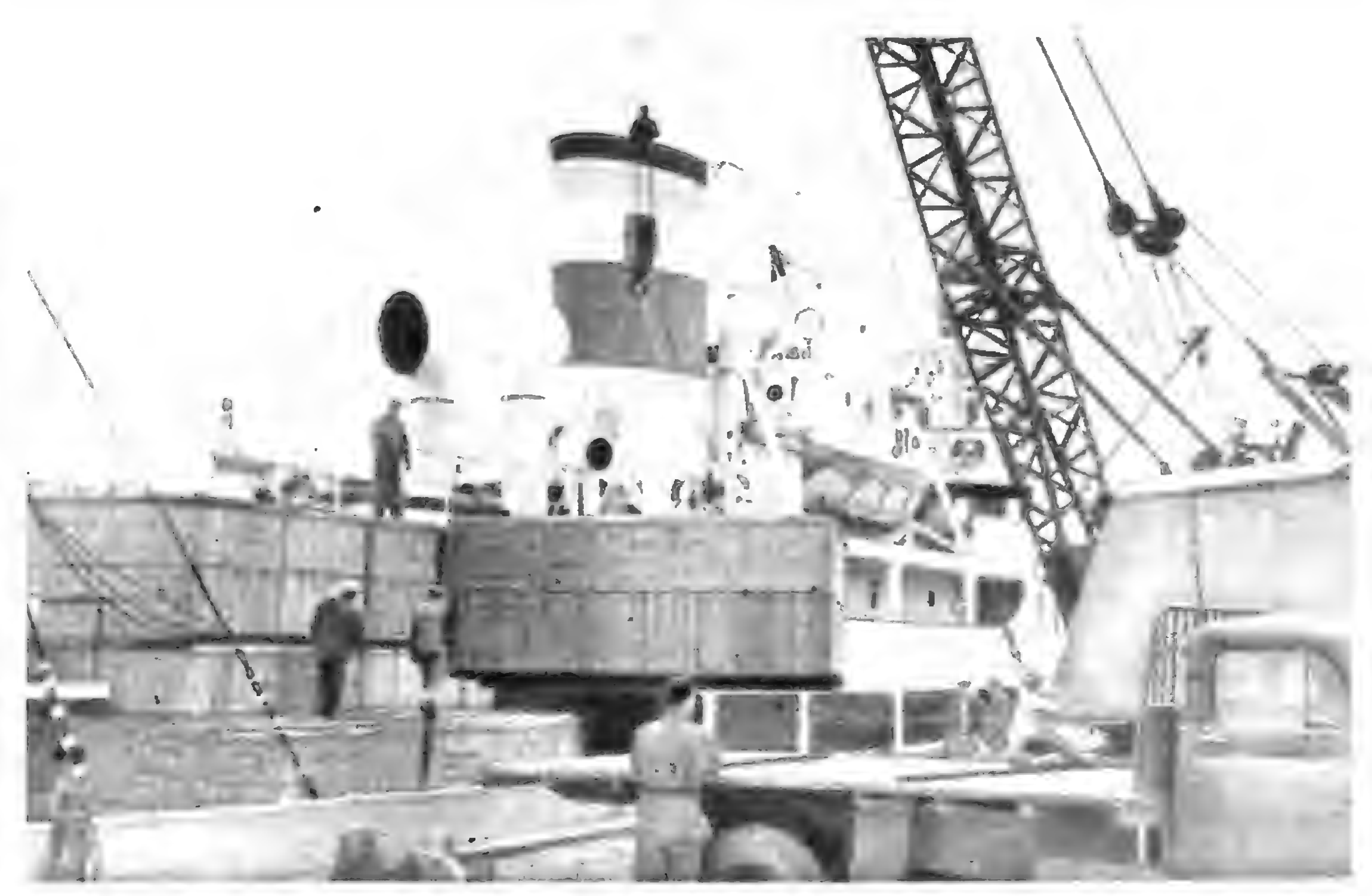
В рейкьявикский порт прибывают товары из многих стран мира. Из СССР сюда доставляются легковые автомобили, нефтепродукты, цемент. Советскому Союзу Исландия продает много рыбы — исландскую сельдь, филе морского окуня, трески. По экспорту и импорту товаров Советский Союз занимает в торговом обороте Исландии одно из первых мест.

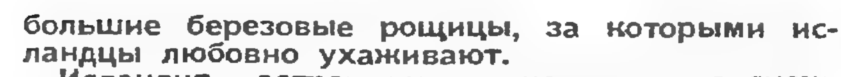

Памятник Ингольфру Арнарсону.

Бананы в теплицах.

В рейкьявикском порту. Идет выгрузка советских автомобилей «Москвич».

Дом, построенный в 1752 году.

Скалы на берегу озера Тингвадлаватн.

Столица Исландии — Рейкьявик.

Исландские девочки Этта и Гелена в национальных костюмах.

На одной из центральных улиц Рейкьявика.

Рейкьявик в белую ночь. Снимок сделан в 12 часов ночи.

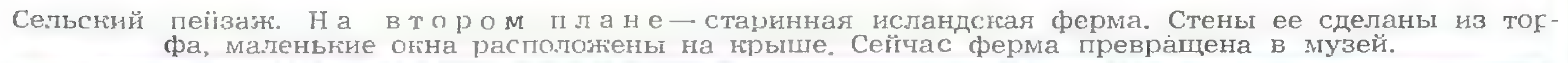

Скважины с бьющим из-под земли паром; таких скважин и гейзеров очень много в Исландии. Справа — типичный исландский пейзаж.

Город Сиглуфьордур — один из центров рыбной промышленности Исландии. Во время путины сюда доставляется огромное количество сельди; здесь она обрабатывается и подготавливается для экспорта

Сельский пейзаж. На втором плане — старинная исландская ферма. Стены ее сделаны из торфа, маленькие окна расположены на крыше. Сейчас ферма превращена в музей.

Водопад Скогафосс.

ЛОКОМОТИВЫ

Электровоз «Н-8».

БОЛЬШИХ ДОРОГ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото Е. Умнова.

Бывают такие дома, которые нравятся с первого взгляда. Входишь в них, заглядываешь внутрь и приятно удивляешься: первое впечатление не исчезает. Новочеркасский электровозостроительный завод не дом — это много домов и корпусов, щедро перевитых густой зеленью аллей и благоухающих газонов. За серебристыми воротами лежит иссушенная солнцем и ветрами знойная степь, а здесь, под сенью яблонь и кленов,— гостеприимная прохлада.

Каждый цех завода — это новый, незнакомый дом, живущий своей особой жизнью. Не увлечься этой жизнью, насыщенной романтикой труда, невозможно. И это, пожалуй, не преувеличение человека, впервые попавшего сюда. Электровоз очень сложен, он состоит из многих машин, и процесс изготовления его отличается многогранностью.

У подножия портального крана, медленно поворачивающего стрелой-хоботом, можно видеть все, что получает завод. Это различные виды проката — тавр и двутавр, швеллер и трубы, стальные листы и проволока. Металл штабелями лежит у длинного корпуса склада. То и дело подходят электрокары и грузовики и развозят его по цехам. В ящиках с надписью «Осторожно, не кантовать!» — измерительные приборы, компрессоры.

Вот паровозик, подцепив платформы с двутавром и листами проката, деловито прополз под высокие своды корпуса. Здесь, на стендах, сваривают раму кузова и весь кузов. Пока он некрасивый, покрытый коричнево-бурыми пятнами, но с вполне оформившимися очертаниями. Отсюда кузов поступит на монтаж оборудования и отделку.

В другом месте вам покажут агрегат для газовой резки толстых стальных плит по копиру. Синее упругое пламя, повинуясь чьей-то невидимой руке, прожигает металл затейливым узором. Рабочий-газосварщик только похаживает вокруг таких агрегатов, издали наблюдая за ними. Все операции автоматизированы.

Приятно обрадовала нас и машина для литья под давлением. Внешне она несколько напоминает металлообрабатывающий станок. Рядом — квадратная индукционная печь. Рабочий, маленьким ковшиком зачерпнув золотисто-розовую латунь, наполнил ею «стакан». Нажатие кнопки — поршень опускается, металл вдавливается в прессформу. Еще одно движение — и тонкая золотистая деталь готова. Она не требует никакой дополнительной обработки. Деталь приобрела все, что ей нужно: и сложную конфигурацию и отверстия.

Можно было бы рассказать еще о многом: о том, как из стальных труб делается пантограф — особая конструкция, принимающая ток, а из медных полос, заботливо обвитых тонкой лентой изоляции, получается обмотка якоря — сердца электрической машины; о редких металлообрабатывающих станках и автоматах; о поточных линиях, на которых собираются узлы; о том, как кузов, постепенно обрастая узлами и деталями, превращается в электровоз.

В привольной степи под Новочеркасском на заводе магистральных электровозов рождается немало машин; здесь создано более десяти конструкций промышленных электрических локомотивов. Они получили в свое время заслуженное признание. Об этом рассказывает географическая карта в кабинете директора завода, на которой овалами отмечены места, где несут свою долгую службу электровозы. Это Урал и Сибирь, центральные области и юг Украины, Кольский полуостров и Кавказ. В нашей стране широко известен электровоз «ВЛ-22м» — первенец послевоенного транспортного машиностроения. Однако эта машина — вчерашний день. Новочеркасцы законно гордятся восьмиосным электровозом — самым мощным из всех локомотивов, построенных в Советском Союзе за последнее время.

Вот он, «Н-8», светлосерый, полуобтекаемый великан, с широкими разводами голубых полос, стоит на пороге электровозосборочного цеха, готовый отправиться в далекий и долгий путь по большим и трудным дорогам родины. Рядом с ним меньшим братом выглядит его предшественник — электровоз «ВЛ-22м».

Молодой инженер Юрий Куприанов, один из активных участников создания конструкции нового электровоза, приглашает нас в кабину. Вход в нее сбоку, а не с торца, как на старом электровозе. Кабина светла и просторна, с усовершенствованной системой управления и сигнализации и многими другими устройствами, вплоть до индивидуального шкафчика с зеркалом и электроплиткой. Она несравнимо удобнее и раза в два больше кабины старого электровоза. Намного свободнее и в машинном отделении.

Однако внешняя форма нового локомотива не вскрывает еще самого главного в его устройстве. Принципиальное отличие восьмиосного электровоза «Н-8» от его сородичей — в тяговых электродвигателях, в решении конструкции тележек. На примере решения только этих двух проблем видно, какие огромные творческие и производственные возможности у коллектива электровозостроителей.

Весной этого года прессу многих стран обошло сенсационное сообщение: во Франции на участке Ламот — Морсенс электровоз установил мировой рекорд скорости движения — 331 километр в час. Вот как описывался этот феноменальный рейс: «Вдали на путях появилась голубая точка. Потом послышался гул, похожий на гул реактивных самолетов. Сопровождаемый вспышками электрических искр, мимо станции пронесся поезд-призрак»... Обычные средства торможения оказались недостаточными, чтобы замедлить его ход. В пустых вагонах, в которых не было пассажиров, пришлось раскрыть окна, чтобы увеличить сопротивление воздуха и тем самым снизить скорость движения «поезда-призрака»... Двигался он по ровной, как стол, местности, строго по прямой линии, с тремя пассажирскими вагонами.

С грузовыми электровозами дело обстоит значительно сложнее. На многих наших дорогах состав весом в три с половиной тысячи тонн (а в таком составе — 50—70 вагонов) надо поднять за один километр в среднем на высоту трехэтажного дома. Не каждый из современных локомотивов справляется с этой задачей. Паровоз серии «Л» ведет состав в два раза меньший. Тепловоз самой последней конструкции — «ТЭ-3» — способен повезти такой состав при одной оговорке: со скоростью... двадцати километров в час!

Электровоз «Н-8» успешно решает задачи скорости и грузоподъемности.

Электрические локомотивы лучше всего преодолевают целый комплекс препятствий: подъемы, спуски, закругления пути. Ведь не случайно колыбелью электрификации магистральных железных дорог в нашей стране стал Сурамский перевал, труднейший во всем Закавказье.

Откуда же черпают электровозы свою недюжинную силу?

Спуститесь по лесенке из кабины машиниста вниз, к натертым до блеска рельсам, загляните за массивные, скрытые рамой ободья колес. Там, под основанием кузова, в «подвале» электровоза, расположены черные округлые остовы электродвигателей. Это они, двигатели, заставляют вращаться оси колесных пар, а вместе с тем и тянуть весь состав. Чем мощнее двигатель, тем быстрее бегут по рельсам колеса, тем скорее идет поезд.

На электровозе «Н-8» каждый двигатель мощнее, чем на «ВЛ-22м», и всего их восемь, а не шесть, как было раньше. В них секрет богатырской поступи нового локомотива. Но не сразу двигатели стали такими. Много происходило из-за них битв и в конструкторском бюро и в цехе. И кто лучше конструктора Георгия Василенко знает об этом!

Молодой человек с усталыми и озабоченными глазами спокойно рассказывает нам, как это было. Прежде всего надо разобраться в графике, каждая линия которого — след боя, происходившего за киловатты.

Василенко разворачивает лист бумаги, изборожденный кривыми линиями разных цветов — гиперболами. Сначала были коричневые гиперболы, и электровоз уступал паровозу в способности развивать тяговые усилия при увеличении скорости движения. Потом появились зеленые линии. Локомотивы сравнялись с паровозами. Теперь надо было электровозу вырваться вперед. Василенко обводит карандашом голубую гиперболу. Она превзошла своих сестер и дерзко поднялась над паровозной чертой. Вот за эту линию боролись конструкторы.

Поединок расчета с практикой, чертежа — с машиной, длился долго. Восемь раз корректировались элементы конструкции двигателя,

пока, наконец, испытательная кривая не вписалась в расчетную гиперболу.

Что же, поиски сейчас завершены? Ведь мощность двигателя стала на треть выше. Однако Василенко снова выводит кривую, на этот раз красную. Красная кривая — новый рубеж, который должны взять конструкторы. Это неважно, что двигатель прошел испытания и благополучно работает на первых электровозах. «Он должен быть еще лучше, чтоб паровозам не повадно было равняться с электрическими локомотивами», — говорит конструктор Куприанов. И Василенко добавляет, что это будет совсем неплохо.

Инженер Василий Молодиков — полная противоположность Василенко. Живой, стремительный, энергичный. Приехал сюда Молодиков тоже лет шесть назад. Для него, так же как и для многих других молодых специалистов, завод стал родным домом.

Конструктор участвовал в решении другой немаловажной задачи — в создании нового типа тележки — огромных стальных конструкций, на которых покоится кузов локомотива.

Сколько осей должно быть в каждой тележке: две или четыре? Этот вопрос широко обсуждался не только на заводе, в научно-исследовательских институтах, но и в Министерстве путей сообщения. Некоторые специалисты настаивали на четырехосных литых тележках, применяющихся на американских железных дорогах. Они утверждали, что если тележки будут двухосные, а их всего получится четыре, то электровоз утратит устойчивость, станет вилять.

— Но конструкторы завода, — вспоминает Молодиков, — придерживались другой точки зрения. Четырехосные тележки не смогут придать эластичности и гибкости электровозу на закруглениях пути. Кроме того, приходилось учитывать и некоторые другие соображения. Двухосную тележку легче сделать литой. Достоинства же любой литой конструкции общеизвестны: она будет меньшей по весу, для ее производства можно использовать менее дорогую сталь, снизится себестоимость.

Нужно ли объяснять, с каким волнением отливалась на заводе рама первой тележки. Конструкторы и технологи не выходили из цеха. В тот день, когда подъемный кран подал ковш с жидким металлом и ослепительная струя стали медленно потекла в форму, в цехе присутствовали директор, главный инженер, главный технолог и, конечно, конструкторы. А переживания Молодикова только начинались: в расчете рамы на прочность участвовал и он. Теперь эта рама из чертежей на листах ватмана зримо, осязаемо превращалась в громадную махину, которая должна была работать, действовать. Инженера неотступно преследовал вопрос: как-то она проявит себя?

Ответ на этот вопрос пришел значительно позже, когда усилиями рабочих и инженеров был построен и стал на рельсы первый электровоз. Новый локомотив только еще поднимался на собственные «ноги», а машинисты Урала и Сибири уже ждали его с нетерпением.

К контроллеру первого электровоза «Н-8» стал опытный машинист С. С. Брыкунов. В одном из рейсов в кабине был и инженер Молодиков. Через плечо машиниста он следил за вздрагивающими стрелками приборов. Они говорили о растущей скорости, о ритмично работающих двигателях, о силе и напряжении тока. Все шло отлично.

Но вот — крутой спуск. Он не менее сложен, чем подъем. Машинист переводит никелированный рычаг контроллера на рекуперацию. Теперь электровоз не берет энергии, он сам ее вырабатывает и возвращает, отдает в сеть. Уклон пройден...

Миновало два года. А как же тележки?

— Практика подтвердила наши выводы, — улыбается Молодиков. — Да вот они, литые двухосные тележки, полюбуйтесь. Продолжаем делать все такие же.

Перед нами семитонная рама с углублениями и выступами площадью с добрую комнату: длина ее — семь метров, а ширина — около трех. На ней свободно могут разместиться несколько обычных крестьянских телег. Невольно пришлось усомниться в соответствии некоторых слов и понятий. Уменьшительное «тележка» в данном случае утратило смысл.

Молодиков замечает, что, к сожалению, изготовление рам очень осложнено, формовка, например, делается вручную. Чтобы механизировать этот трудоемкий процесс, нужен новый цех. А для него только еще «спланирована» площадка. В ближайшие годы на заводе должны вступить в строй и другие объекты: эстакады для хранения литья и опок, корпус промышленных электровозов, лаборатория...

Однако все это «в ближайшие годы». Новое строительство идет медленными темпами. Вот в чем одна из причин слабой отдачи завода: он мало производит нужной стране мощной техники. Ведь за два года, прошедших со дня выпуска первого экземпляра электровоза «Н-8», сделано только несколько таких локомотивов. Приходится удивляться, что Министерство электротехнической промышленности планирует серийный выпуск мощных, хорошо проявивших себя в эксплуатации электровозов лишь на... 1957 год, когда эта модель, быть может, уже устареет.

Новочеркасский завод, как и его коллектив, совсем молод. Он только расправляет свои крылья и, как у всего молодого, у него широкие перспективы. Восьмиосный электровоз — одна из вех его короткой истории, начавшейся всего восемь лет назад, когда был выпущен послевоенный магистральный электрический локомотив. В эту историю войдут непременно новые машины. Одна из таких машин — шестиосный электровоз. Проектирование его завершено. Он будет значительно сильнее старого, шестиосного «ВЛ-22м». Его мощность составит 4 300 лошадиных сил. Два таких электровоза, спаренные вместе, смогут вести на подъемах состав небывалого веса — в 5 300 тонн.

Другая машина предназначена для пассажирских экспрессов. Быстроходная, способная развивать скорость до 160 километров в час, она станет господствующей на пассажирских электрифицированных линиях.

Уделяется здесь внимание и развитию принципиально нового, очень перспективного направления в области электрификации железных дорог, которым у нас занялись, к сожалению, сравнительно недавно. Я имею в виду создание электровозов, работающих на переменном токе нормальной частоты.

Что это означает?

Электрическая лампочка, которая горит в вашей комнате, питается переменным током. Станки на заводах, машины на фабриках приводятся в действие переменным током.

И только электрические железные дороги, будь то метрополитен или городской трамвай, работают на постоянном токе. На железных дорогах через каждые 20—30 километров приходится строить подстанции. Трансформаторы понижают напряжение, электронные приборы — ртутные выпрямители — преобразуют ток из переменного в постоянный. При постоянном токе напряжение ниже, чем при переменном, а чем ниже напряжение, тем большего сечения должен быть контактный провод. Дорого и неудобно! Тогда как достаточно сказать, что при переменном токе подстанции превращаются в простые трансформаторные установки, которые монтируются через интервалы в два — три раза большие, а расход провода значительно снижается.

В зарубежной практике на транспорте сравнительно давно применяется переменный ток той же частоты, что и в промышленности. Венгерские специалисты твердо убеждены в том, что это наиболее рациональная система электрической тяги. Особенно усилились работы в этом направлении за последнее время во Франции.

Несколько лет назад начальник специального конструкторского бюро завода Б. Р. Бондаренко вместе с советскими учеными был в Венгрии. На старейших заводах — Ганц и МАВАГ — они ознакомились с особенностями устройства и технологическим процессом изготовления электровозов, осматривали многокилометровую линию Будапешт — Хедьешхалом.

Длительные искания конструкторов Новочеркасского завода и сотрудников нескольких институтов завершились созданием электровозов «НО». Это локомотив комбинированного действия: получает он ток переменный и преобразует его в постоянный. Вакуумные колбы — выпрямители тока, следует ожидать, будут заменены миниатюрными кристаллами полупроводников.

Однако новую технику очень трудно создавать без экспериментальной базы. Поговорите с инженерами, конструкторами, технологами. Они с грустью поделятся своими сокровенными мыслями. «Вот если бы у нас был свой экспериментальный цех...» — мечтают конструкторы. Но такая мечта может показаться кое-кому просто утопией. Где же мечтать о цехе, если на заводе до сих пор нет обыкновенного кольца для испытания электровозов! Электрические локомотивы вывозит с завода паровичок, и свою путевку в жизнь они получают за сотни километров от Новочеркасска — города, который становится крупным центром электровозостроения. Ведь не случайно завод посещают иностранные специалисты. Здесь были делегации Италии, Канады, Франции, Англии. Долго гостили чешские инженеры. Некоторые страны — Румыния, Болгария, Китай, — представители которых посетили завод, стали потребителями советских электровозов.

Вот и сейчас в электровозосборочном цехе стоят два промышленных электровоза. Они предназначены для металлургического комбината в Аньшане. Завершаются их последние испытания.

Машинист-испытатель нажимает кнопку. Изпод высоких сводов корпуса на простор степей вырывается могучий трубный бас, покрывающий все остальные звуки: и гудки, и свистки паровозов, и звонки трамваев, и грохот кузнечных молотов. Электровоз гудит долго, победно и торжествующе... Да, у него большое будущее.

Конструктор Г. В. Василенко (слева), мастер Ф. Б. Лосев и конструктор Ю. В. Куприанов проверяют обмотку якоря тягового двигателя.

Фото П. Попова.

Танцовщица Аргентины

Из маленькой сюиты «Четыре еврейских танца».

Слева направо: «Призыв». «Вибрирующий танец» и «Мимолетности» — музыка С. Прокофьева.

Мих. ДОЛГОПОЛОВ

Фото Е. Умнова.

Невысокого роста, с приятным лицом, хрупкого телосложения танцовщица из Аргентины рассказывает о себе новым советским друзьям. Мария Фукс родилась в Буэнос-Айресе. С детства она чувствовала влечение к танцу. Почему? Она сама не может этого объяснить. Вероятно, потому, что жила и росла среди удивительно музыкального народа. Любую услышанную мелодию и песенку хотелось Марии переложить на язык танца. И она импровизировала, сочиняла и даже ставила танцы, еще будучи маленькой школьницей.

В двенадцать лет, вопреки воле родителей, Мария поступила в школу классического танца Екатерины де Галанта, занимавшейся в свое время у знаменитой русской балерины Анны Павловой. Подруга Марии, дочь состоятельных родителей, оплачивала эти уроки. А потом педагог-балерина оставила одаренную девочку в школе в качестве своей помощницы в работе с малышами.

Продолжая заниматься в школе де Галанта, Мария Фукс все больше и больше увлекается народным танцем. В 1942 году она заканчивает школу. И скоро на основе народных аргентинских и старых индейских плясок сама ставит небольшие сюжетные танцевальные картинки.

Друзья танцовщицы — прогрессивные писатели, артисты и художники — помогают Марии в ее творческих поисках, в организации публичных концертов, что в Аргентине является делом нелегким.

После нескольких лет дополнительных занятий хореографией в США артистка возвращается в родной Буэнос-Айрес и основывает здесь школу танца.

В прошлом году была организована гастрольная поездка Марии Фукс по Аргентине. Она выступала в студенческих клубах, в помещениях театров и часто на городских площадках.

Мария Фукс создала несколько танцевальных композиций, рисующих жизнь трудящейся женщины в капиталистическом обществе. Она исполняет старинные ритуальные танцы индейцев, современные народные пляски Аргентины. Вводя в свои танцы элементы классического танца, Мария Фукс охотно выступает без обуви. «Танцуя без обуви,— говорит балерина, — я лучше и ближе чувствую родную землю, стою на ней тверже, и она питает мое творческое воображение».

Этим летом Мария Фукс была приглашена в Варшаву. Она дала несколько концертов и приняла участие в работе жюри международного конкурса молодых представителей искусств. Возвращаясь из Польши, танцовщица побывала в Москве, о чем давно мечтала.

— Я восторгалась балетными спектаклями московских театров, посетила занятия в хореографическом училище, беседовала с крупнейшими мастерами танца. Сорок дней в Москве промелькнули быстро и незаметно, оставив незабываемые впечатления, — рассказывала перед отъездом Мария Фукс. — Москва — столица балета мира, ее зрители — тонкие ценители искусства танца, и перед моими концертами я всегда сильно волновалась. Но москвичи меня хорошо поняли и приняли.

...Девушка ожидает своего любимого. Его все нет, и ее спокойные вначале движения выражают теперь нетерпение и досаду. Но вот к ней приближается возлюбленный, она радостно машет ему платком. Темп этого старинного танца «Самба» все убыстряется. Незатейлив сюжет, но сколько в нем чувств, сценической выразительности, чудесной пластики!

Интересен и другой танец — «Мачитум амапурум». Когда-то, в старину, его танцевали в Аргентине, воспроизводя в нем один из ритуальных обрядов араукaнцев. После захода солнца люди собираются вокруг огня. Словно завороженные, они преклоняются перед ним, боятся его и вместе с тем стремятся побороть его притягательную силу. В танце переданы и боязнь обжечься пламенем воображаемого костра, и нарастание противоборствующей силы человека, и радость от сознания победы над огнем. Все оттенки этих чувств и настроений Мария Фукс передает в этом самобытном танце.

Удивительно мягко и грациозно, с какой-то затаенной стыдливостью танцовщица раскрывает в танце «Чамаме» пробуждение у девушки чувства первой любви. И столько в этом номере милого очарования и неподдельной искренности, так он своеобразен по рисунку, что зрители, приветствуя артистку, просят повторить его еще и еще раз.

Но вот перед нами возникает иной мир образов, навеянный нью-йоркскими впечатлениями артистки. Маленькая девочка беззаботно играет со своими подружками на улице большого города. Проходит немало лет, и мы видим женщину улицы. В изломанных движениях ее танца нет-нет да проскользнет что-то знакомое, напоминающее беззаботную девочку. Но счастье ушло, а ему на смену пришли горе и слезы. В хореографических миниатюрах «Девочка на улице» и «Женщина улицы» танцовщица с большой драматической силой раскрывает картинку из жизни капиталистического города, понятную без всяких слов и пояснений.

Наиболее интересное в искусстве Марии Фукс — ее социально-заостренные танцевальные зарисовки-миниатюры и полные своеобразия народные танцы Аргентины.

Фрагмент из композиции «Два танца» — музыка Хулиана Агирре.

ЯРКИЙ ТАЛАНТ

М. ПРУДКИН,
народный артист РСФСР

Большой художник, которого высоко ценили советские зрители, народный артист СССР Николай Павлович Хмелев принадлежал к актерскому поколению, появившемуся на сцене после Великой Октябрьской социалистической революции.

Еще не затихли бои гражданской войны — стояла осень 1919 года,— когда в школе при Второй студии Московского Художественного театра мы заметили на вступительных конкурсных испытаниях скромного, застенчивого юношу в серозеленой блузе с угловатыми движениями. Это был Николай Хмелев. Помнится, на экзамене он читал «Пир во время чумы». Голос у юноши был глухой, жестом он не владел. Монолог председателя пира явно не соответствовал его внешним данным, и Хмелев не произвел на экзаминаторов обнадеживающего впечатления. Может быть, Хмелева и не приняли бы в студию, если бы ее руководитель В. Л. Мчеделов не поддержал настойчиво его кандидатуру, почувствовав в нем дарование.

Уже первые выступления Николая Хмелева в спектаклях Второй студии и на сцене Художественного театра показали, какой это был сильный и яркий талант. В самом начале своего блестящего творческого пути Хмелев сыграл маленькую роль крестьянина Марея в исторической драме К. Тренева «Пугачевщина». Небольшой эпизод превратился в его исполнении в центральную героическую сцену спектакля. «Ого, обратите внимание на этого актера!» — сказал Вл. Ив. Немирович-Данченко.

Хмелев был художником пытливой мысли, постоянных творческих исканий. Он в совершенстве владел искусством перевоплощения. Созданные им сценические образы вошли в историю советского театра, каждый был подлинно новаторской работой актера. Хмелев играл Алексея Турбина в «Днях Турбиных» М. А. Булгакова — и перед зрителем раскрывалась драма волевого талантливого человека, обнаружившего бесплодность своих устремлений. Артист умел острыми сатирическими чертами обрисовать в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского князя К.— «обветшалого, разваливающегося полупокойника».

По-своему раскрывал Хмелев образ бесхарактерного царя Федора Иоанновича в исторической трагедии А. К. Толстого и особенно тепло, с задушевностью воплощал чеховского Тузенбаха в «Трех сестрах». Он блестяще играл характерную бытовую роль дворника Силана в «Горячем сердце» А. Н. Островского и потрясал зрителей проникновенной глубиной психологического раскрытия характера Каренина — человека, ставшего «злой машиной».

Революционного руководителя дальневосточных партизан председателя ревкома Пеклеванова Хмелеву предстояло сыграть вскоре после роли блестящего белого офицера Турбина. Было это нелегко. Помню, Хмелев жаловался:

— Ведь вот же руководитель восстания, председатель революционного комитета, а что он за человек,— пока не представляю. У драматурга образ написан скупо.

Хмелев думал, искал, сомневался. И в результате тщательнейшей работы над образом сыграл две небольшие сцены в «Бронепоезде» так, что Горький безошибочно угадал в молодом исполнителе великого артиста. После просмотра на сцене Художественного театра спектакля Алексей Максимович сказал автору пьесы:

— Россию, уважаемый, можно поздравить с появлением еще одного великого актера.

...Еще мне вспоминается знаменательный день, когда нам обоим вручали партийные билеты. Мы возвращались из райкома, взволнованные этим огромным событием. Шли молча. Вдруг Николай Павлович порывисто схватил меня за руку и сказал:

— Ты понимаешь, какая на нас ответственность ложится... Ведь мы теперь коммунисты! Теперь народ с нас вправе гораздо больше требовать...

Хмелев щедро проявил свое сценическое дарование не только как актер, но и как режиссер. Он поставил в МХАТе (в котором в последние годы своей жизни был художественным руководителем) один из лучших спектаклей, «Последнюю жертву» А. Н. Островского.

Жизнь Хмелева оборвалась преждевременно, когда творчество его было в самом расцвете. Мне довелось присутствовать при последних часах жизни Хмелева. На репетиции пьесы А. Толстого «Трудные годы» 1 ноября 1945 года Николаю Павловичу стало дурно, и мы с трудом заставили его лечь на кушетку. Он лежал в облачении царя Ивана Грозного, как был на сцене, и когда мы пытались его раздеть, Хмелев твердо и настойчиво сказал:

— Нет, не надо. Я сейчас пойду репетировать... Начинайте третью картину...

До последнего своего дыхания Николай Павлович Хмелев был беспредельно предан театральному искусству, составлявшему смысл его жизни.

Народный артист СССР Н. П. Хмелев.
Фото А. Горнштейна.

Рассказывает Де Сантис

Джузеппе Де Сантис во время съемок фильма «Рим в 11 часов». На снимке надпись: «Читателям «Огонька» с дружескими чувствами Джузеппе Де Сантис».

Недавно в Москве гостил известный деятель итальянского кино режиссер Джузеппе Де Сантис.

На киностудии имени М. Горького дублировался в те дни на русский язык его фильм «Дайте мужа Анне Заккео».

В 1947 году на экранах многих стран мира появился первый фильм Де Сантиса — «Трагическая охота», который принес тридцатилетнему режиссеру, самому молодому режиссеру в истории итальянского кино, известность. «Трагическая охота» была признана лучшим фильмом Италии того года и получила премию на Венецианском фестивале, а затем почетный диплом на фестивале в Марианских Лазнях. Следующий фильм — «Горький рис»—затронул острые социальные вопросы, и его горячо полюбили широкие слои зрителей. Он дал рекордный в мировой кинематографии сбор — 2 миллиарда лир.

В Советском Союзе хорошо помнят картины Де Сантиса «Нет мира под оливами» и «Рим в 11 часов».

Мы попросили Де Сантиса рассказать о современном положении итальянской кинематографии.

— Несколько лет назад,— сказал Де Сантис,— итальянскую кинематографию нельзя было назвать промышленной. После большого успеха наших картин во всем мире начала развиваться отечественная производственная база. Но итальянские промышленники, создавая киноиндустрию, стали привлекать иностранный капитал и попали в зависимость от него. Теперь все чаще приглашаются на студии иностранные сценаристы, режиссеры, актеры, и для итальянского кино создается опасность потерять национальный характер. Это первая острая проблема.

Есть и вторая: лучшие итальянские фильмы имеют ярко выраженные прогрессивные тенденции. Но рост числа прогрессивных и социально направленных фильмов вызвал большую тревогу в реакционных кругах. Усилилась цензура, появились различные препятствия на пути развития нашего кино. Сейчас художники-реалисты ведут усиленную борьбу с реакционными силами.

Разговор зашел об итальянских фильмах послевоенного периода. Главным их достоинством Де Сантис считает глубокое проникновение в жизнь народа: «Впервые в киноискусстве удалось так ясно показать характер простых итальянцев, их психологию, настроения, чувства, стремления».

Режиссер вспоминает годы фашистской диктатуры. На экранах тогда демонстрировались фильмы, которые уводили зрителя от проблем современности, единственным их героем была буржуазия. Молодой Де Сантис, в ту пору кинокритик, писал, что народ должен быть главным героем искусства, а реальная действительность — его основной темой. «Словом,— заключает режиссер,— уже в те годы я открыл для себя целый мир, новый мир, о котором мне захотелось рассказать средствами кино». Многое из того, что Де Сантис когда-то разрабатывал в теоретическом плане, осуществилось после войны.

— В ваших фильмах иногда играют и не профессиональные актеры. Чем это вызвано? — спросили мы.

— Я сторонник профессиональных актеров. Но бывают случаи, когда среди актеров не оказывается таких, которые достаточно знали бы специфику труда героев сценария. Если их и обучать, то все равно исполнение не будет абсолютно органичным. Поэтому, например, в фильме «Горький рис» в главной роли снимается не профессиональная актриса, а девушка, с детства знакомая с бытом и трудом, о которых идет речь в картине.

— Сколько времени длится съемка ваших фильмов?

— Обычно она продолжается три или немного больше трех месяцев. Но до этого, конечно, проходит значительный период подготовки: создание сценария, поиски актеров, выбор натуры. Сценарии я пишу всегда с одной и той же группой писателей и не мыслю себе постановку фильма, в литературной основе которого я не принимал бы участия.

— Во время своего пребывания в Москве,— говорит режиссер,— я видел два советских фильма — «Попрыгунья» и «Урок жизни»,— и оба мне понравились. В «Уроке жизни» меня заинтересовал конфликт произведения, острая критика в адрес руководителя, пытавшегося поставить себя над народом. В «Попрыгунье» я восхищался творчеством очень способного молодого режиссера: это ведь его первый опыт. Мне понравились цветовое решение фильма и глубина выражения чеховского стиля.

Кстати, на киностудии имени Горького я просмотрел два ролика фильма «Рим в 11 часов» на русском языке. И я должен сказать, что фильм дублирован превосходно. Эти куски, которые я видел, мне понравились. Может быть, это зависит от изящества, благородства и музыкальности русского языка.

В Москве Де Сантис выяснял возможности совместного итало-советского производства фильма.

— Теперь я желаю скорейшего возвращения в Москву для того, чтобы начать работать. Итак, до скорой встречи! — прощаясь, сказал Де Сантис.

Н. СВЕТЛОВА,
Н. ДРАЧИНСКИЙ

Чемпионы плетутся в хвосте

Футбольный сезон — понятие весьма растяжимое. Во многих странах сейчас таблицы первенств почти заполнены, в других борьба на зеленом поле только начинается.

В Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Италии, Югославии и в других странах Европы в футбол играют осенью, зимой и весной. Английские футболисты вступили в борьбу за звание чемпиона в августе, и первые же туры ознаменовались сюрпризами.

Чемпион Англии команда «Челси» после тринадцати игр набрала всего... тринадцать очков и вместе с знаменитыми «канонирами» (таково прозвище футболистов команды «Арсенал») стоит во второй половине турнирной таблицы. Зато команда «Блэкпул», которая закончила прошлогодний чемпионат девятнадцатой, в этом году является одной из первых, несмотря на то, что и ей пришлось испытать горечь поражений. У «Блэкпула», где нападающим играет один из популярнейших и старейших футболистов страны, выдающийся мастер кожаного мяча Стенли Метьюз, — 17 очков (из 26 возможных). Первое и второе места с 18 очками делят команды «Сэндерленд» и «Манчестер юнайтед».

Команда «Вулверхэмптон Уондерерс» начала сезон отлично, одержав несколько побед с разгромным счетом 7 : 2 у «Манчестер сити», 9 : 1 у «Кардиффа» и т. д. По этому поводу английские спортивные обозреватели острили, что «после Москвы у «волков» разыгрался аппетит», намекая на то, что спартаковцы продержали их на «сухом пайке», да и во встрече с динамовцами им не удалось «насытиться».

Однако свою встречу с лидером турнира «Блэкпулом» «волки» проиграли (1 : 2), и это сразу отодвинуло их на восьмое место. Впрочем, они улучшили свое турнирное положение в следующей игре, победив чемпиона страны. Сейчас команда после тринадцати игр на одиннадцатом месте.

По стопам «Челси» пошел и французский чемпион «Реймс». В нынешнем розыгрыше первенства Франции команда пока идет на двенадцатом месте, набрав после девяти игр восемь очков. Лидирует проигравшая лишь три очка команда «Ницца». Недавно она с разгромным счетом 7 : 1 выиграла у обладателя кубка Франции команды «Лилль».

Неудачно начали сезон и знакомые советским любителям футбола чемпионы Италии — футболисты клуба «Милан»: из пяти проведенных календарных игр они проиграли две. В этом году из класса «А» исчезла команда «Удинезе», хотя в прошлогодней таблице она не была на последнем месте. В чем же тут секрет? Оказывается, что в сезоне 1953—1954 года руководители «Удинезе», опасаясь, что команда перейдет в класс «Б» (а она была в опасной зоне), подкупили игроков команды «Про Патриа», чтобы те проиграли встречу удинезцам. Это раскрылось, и команду в наказание перевели в класс «Б». Пострадали и футболисты «Про Патриа». Часть из них дисквалифицирована пожизненно, а другие — на срок от 6 месяцев до 3 лет.

В Югославии лидируют «Партизан», «Црвена звезда» и «Динамо». Далее идет чемпион «Хайдук» (Сплит).

Почему же в этом году так велик список чемпионов-«неудачников»? Зарубежные спортивные обозреватели объясняют это просто. Чемпионов, как правило, охотно приглашают на гастроли в другие страны. Ясно, что после серии зарубежных выступлений они не успевают как следует отдохнуть и подготовиться к сезону. Конечно, чемпионы еще могут войти в форму и даже сохранить свои звания. Но потерянные очки не так-то легко возместить!

Через Ла-Манш

Восемьдесят лет назад англичанин Мэтью Уэбб впервые совершил проплыв через Ла-Манш — пролив, отделяющий Францию от Англии. По тем временам это было спортивным подвигом. В самом деле, при тогдашней технике плавания нужно было обладать большим мужеством, чтобы преодолеть бурные воды пролива, ширина которого в самом узком месте — 32 километра (в Па-де-Кале). К тому же температура воды в проливе редко поднимается выше 16 градусов. Но самое серьезное препятствие для пловца — сильные течения, направление которых меняется в связи с приливами и отливами. Кроме того, над проливом часто стоят густые туманы.

С тех пор многие делали попытки преодолеть Ла-Манш. Для зарубежных пловцов пролив стал своего рода Меккой.

В этом году проплыв через Ла-Манш отличался от всех прежних. Во-первых, он носил характер соревнования, в котором участвовало 10 мужчин и 4 женщины: представители Англии, Египта, США, Мексики, Греции, Аргентины, Новой Зеландии, Шотландии и Ливана. Во-вторых, британские военно-морские власти использовали проплыв для того, чтобы изучить, как действует на человеческий организм длительное пребывание в соленой морской воде при низкой температуре. С этой целью был выделен медицинский персонал, сопровождавший пловцов на специальном судне.

Из-за плохой погоды старт три раза откладывался. Наконец небо прояснилось, и от мыса Гри-Нэ (Франция) в 5 часов 50 минут утра 14 участников проплыва взяли старт. Любопытно отметить, что все участники плыли кролем. Долгое время лидировал американец Парк. Но когда до финиша оставалось 8 километров, к нему приблизился египтянин Абу Хейф. Тем временем большинство их соперников один за другим прекращали борьбу, истощив свои силы и не выдержав столь длительного пребывания в холодной воде. Последней сдалась в трех километрах от английского берега известная египетская спортсменка Габи Вени. На последнем километре Хейф обошел американца и с просветом в 200 метров первым коснулся ногой дна в заливе Сент-Маргарет. Время победителя — 11 часов 44 минуты. Обессилевший Парк затратил на последние 200 метров 18 минут. Третьим закончил дистанцию мексиканец Бельтрам.

Некоторые зарубежные спортивные обозреватели считают, что по трудности проплыв через Ла-Манш можно сравнить с марафонским бегом и с распространенными в скандинавских странах лыжными гонками на дистанции свыше 50 километров. Подобные сравнения, конечно, условны. Но несомненно одно — проплывы на дальние дистанции, в том числе и через Ла-Манш, представляют определенный спортивный интерес. Недаром такие проплывы приобретают все большую популярность в разных странах.

Спортивный обозреватель

Перед началом матча.

«Пожарный» футбол

Фото Богдана Красицкого.

Так окрестили жители города Бельска — крупного центра мануфактурной промышленности Польши — матч, разыгранный между двумя командами пожарной школы.

Своеобразие матча заключалось в том, что противники — «красные» и «белые» — в касках и защитных очках, вооруженные пожарными шлангами (по три на каждую команду), старались забить наибольшее количество голов при помощи могучей струи воды, направленной на мяч огромных размеров. По правилам игры полагался штраф для каждого, кто в разгаре борьбы касался мяча ногой или рукой.

Нет ничего удивительного, что на это соревнование прибыло большое число зрителей, в первых рядах которых находились юные жители Бельска.

Матч продолжался 30 минут и после упорной борьбы, полной самых неожиданных эффектов, закончился победой «красных».

→ Игра началась.

Первый гол.

Собственная жена

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Если вы в определенный час ездите с дачи в город и из города на дачу, вы встречаете в поезде одних и тех же людей и непременно в одном и том же вагоне, скажем, во втором с конца. И если это повторяется изо дня в день и каждое лето, а вы человек наблюдательный, вы обязательно заметите, что веснушчатая рыженькая девочка, при которой прежде неотступно и ревниво находилась бабушка, превратилась в прелестную золотоволосую девушку. И теперь вместо бабушки при ней ревниво и неотступно находятся два студента... И мужчина, сменивший защитного цвета китель на чесучовый пиджак (а чесуча, как вам известно, носится очень долго), успел поседеть, но седина ему определенно к лицу. И он даже стал похож, как две капли воды, на одного садовода-любителя, чей портрет недавно был в журнале. А может быть, это тот самый любитель и есть... И женщина, которая с годами ничуть не меняется, все так же делает замечания пассажирам и кого-нибудь учит, все равно чему: как воспитывать детей, как ловить мышей или чем проще всего лечить язву желудка...

О каждом можно бы рассказать какую-нибудь маленькую историю, и вполне возможно, что она совпала бы с действительностью.

Вот, например. Это было несколько лет тому назад. В вагон вошли... или нет, лучше сказать, в вагон влетел сам лучезарный, молодой, очаровательный месяц май. Девушка и юноша. Он почти внес ее на руках, хотя в этом не было никакой очевидной необходимости, потому что она была здоровая и крепкая девушка и, как говорят няньки, ходила ножками уж, наверно, лет девятнадцать. И все-таки он почти внес ее. Он охранял ее от возможных толчков. Он держал в руках ее чемоданчик, пальто и какой-то нескладный сверток, из которого, прорвав бумагу, торчал высокий каблук.

Она смотрела на него смущенно-ласковым взглядом и говорила:

— Сеня, ведь тебе тяжело: в чемодане книги, четыре тома большой папиной энциклопедии.

В ответ он улыбался ей такой откровенно блаженной улыбкой, что пассажиры не то от смущения, не то от зависти отводили глаза в сторону. Он улыбался и говорил:

— Книги? Большая энциклопедия? Это пустяки! Не беспокойся, Таня, мне совершенно не тяжело, это абсолютно ничего не весит.

И всем было понятно, что для него самое главное и самое важное в жизни — Таня, а Большая энциклопедия — просто невесомый пустяк, и больше ничего.

Он зорко смотрел по сторонам, ища свободного местечка, чтоб усадить ее. А когда мèста так и не нашлось, он согнул руку кренделем, чтоб она могла на него опереться. Наверно, если б она пожелала, он не только изобразил бы из себя крендель, но, как говорится, разбился бы в лепешку у нее на глазах, чтоб показать, как велика его любовь и на какие жертвы он для нее способен.

А Таня была простая, милая, с русой косой, она не требовала никаких жертв и время от времени переспрашивала его тихо и тоненько:

— Сеня, ты не устал?

Он гордо усмехался, давая понять, что он готов взвалить себе на плечи всю вселенную при условии, что точкой опоры будет ее любовь к нему.

Так они и ездили целое лето, и даже когда погода стала пасмурная, от них распространялось солнечное сияние.

Некоторые пассажиры, и мы в том числе, строили догадки:

— Молодожены? Нет, скорее всего жених и невеста... И даже не жених и невеста, а вот именно влюбленные! Влюбленные, у которых впереди нерастраченный, пока еще неприкосновенный запас драгоценно-нежных слов, глубоких взглядов, поцелуев...

На следующее лето они не ездили во втором вагоне с конца. Может быть, они ездили во втором вагоне с начала? Когда мы видели высокого парня с худощавым лицом и зачесанными назад волосами, мы говорили: «Вон Сеня!» — и ошибались. Таких парней, оказывается, было много. Девушки с русыми косами попадались тоже довольно часто, но среди них не было Тани. Прошло еще лето, и мы уже не вспоминали о них. В конце концов они были для нас только пассажирами, пусть завидно счастливыми, красивыми и молодыми, но всего лишь случайными вагонными спутниками.

И вот совсем недавно мы снова увидели их. Стоял на редкость жаркий осенний день. Говорливая пассажирка, которая исключительно ловко умела ловить мышей и чрезвычайно просто излечивала язву желудка, громко рассказывала всем желающим слушать, что подобной жары не наблюдалось в течение ближайшего отрезка времени в девяносто восемь лет... Пригородный поезд отправлялся через три минуты. И вот мы увидели их и сразу узнали, несмотря на то, что она подобрала свою русую косу в пучок на затылке, а он растолстел почти вдвое. Она (мы тут же вспомнили, что ее зовут Таней) бежала по перрону; в одной руке у нее была битком набитая клетчатая сумка, в другой старый знакомый чемоданчик, через плечо висел плащ, подмышкой был зажат зонтик... Одно из двух: либо плащ, либо зонтик. Зачем же то и другое?

Позади не слишком торопливо шагал он (его звали Сеней, мы тоже это вспомнили) и доедал мороженое. Белые липкие струйки текли у него по пальцам; он держал руку на отлете, чтобы не закапать серые брюки. Когда они поравнялись с нашим вагоном и проходили под окном, мы услышали, как она сказала:

— Сеня, ты, может быть, возьмешь свой плащ?

Он солидно ответил:

— Я еще не докушал мороженое. И потом у меня будут липкие руки.

Он именно так и сказал про себя, с уважением: не докушал.

Они вошли в вагон. Было только одно свободное место напротив нас. Он вдруг сделал страдальческое лицо.

— У меня все-таки чертовски жмет башмак! Не хватает, чтоб я натер ногу. Если будет мозоль, то это по твоей милости!

Пожалуй, даже те из пассажиров, которые уже перестали считать себя молодыми и привлекательными, даже они не рискнули бы распространяться вслух о своих мозолях, бородавках — о тех мелких гадостях, которые либо выводят, либо скрывают. Но Сеня, очевидно, был недоволен и хотел, чтоб это видела Таня. Может быть, это она купила ему тесные башмаки или уговорила его ехать на дачу, когда у него были другие планы. Ясно было одно: Сеня недоволен, а Таня в чем-то перед ним виновата.

Она сказала кротко:

— Садись, вот же свободное место.

Мы ждали, что будет. Незнакомые между собой, мы переглянулись. Неужели?.. Да, он сел! Уселся на это свободное место все с тем же страдальческим выражением лица.

Наш седой спутник в чесучовом пиджаке сделал было движение, чтобы встать и уступить Тане место, но раздумал. Он, пожилой человек, будет стоять, а молодой Сеня будет сидеть! С какой стати? И все-таки ему не сиделось. Он предложил:

— Давайте подвинемся немного.

И мы потеснились, как могли, и усадили Таню на краешек скамьи.

На это Сеня одобрительно сказал:

— Вот и хорошо, и ты сидишь.

Он уже доел свое мороженое. Она спросила:

— Тебе дать платок вытереть руки?

Он сказал:

— Дай.

Ей пришлось повесить на стену клетчатую сумку, положить в сетку чемодан и зонтик и уже тогда начать искать платок в карманах его плаща. А он сидел, растопырив сладкие пальцы, и ждал со скучающим и требовательным выражением лица, как человек, которого плохо обслуживают за его кровные деньги.

— Вот, Сеня, возьми, пожалуйста, — сказала она, доставая платок из кармана.

Он поглядел на платок и поморщился:

— Ох, опять этот, с голубой каемкой!

Это значило, что он предпочел бы с красной или, куда ни шло, вовсе без каемки, но только почему-то не с голубой.

Повидимому, ей было совестно, что мы услышим разговор про каемку. Поэтому она улыбнулась и сказала:

— Да она совершенно слиняла, эта голубенькая.

— А все это потому, — произнес он поучительно, — что такие вещи нужно стирать дома, а не отдавать в прачечную. Многие и работают, и детей имеют, и стирают преспокойно дома, и на все находят время, а у тебя какая-то неорганизованность.

Наш седой спутник прищурился и сказал, обращаясь к авторитетной пассажирке, которая умела ловить мышей:

— Как приятно, что есть такие организованные мужчины, у которых хватает времени и на работу, и на воспитание детей, и даже на стирку белья! Такому не грех поделиться опытом и со своей женой и других поучить.

— Ах, есть, есть такие мужчины! — с апломбом воскликнула говорливая пассажирка, не разобравшись, кого имеет в виду наш седой спутник. — Вот, например, мой муж! — И она три перегона от станции до станции рассказывала о том, как она успешно прививала своему мужу женские навыки по ведению хозяйства. — И если я умру, — сказала она и засмеялась, как будто ее предположение было курьезным или несбыточным, — если я умру, он у меня не будет чувствовать себя беспомощным лицом к лицу с оторванной пуговицей...

Молодые супруги молчали. Потом они стали собираться. Сеня потянулся к сетке за чемоданом. Говорливая пассажирка посмотрела на нас со значительным видом. Ее взгляд означал: «Берусь в кратчайший срок перевоспитать кого угодно».

— Осторожно, Сенечка, — предупредительно сказала Таня, — в чемодане баночка со сметаной.

— А-а, ну тогда я не знаю, где там у нее верх, где низ... Бери и неси сама. — Он взял свой плащ и перекинул его через плечо.

— Может быть, ты прихватишь и зонтик? — спросила Таня.

Он пожал плечами:

— Плащ и зонтик — смешно, не хватает скафандра, — и пошел к выходу.

А мы остались в вагоне. И когда поезд тронулся, мы уже не терялись в догадках, кто они. Все было ясно: муж и жена. Люди только знакомые никогда не бывают так безжалостно равнодушны друг к другу, как некоторые супруги, на которых, по правде говоря, противно смотреть. Противно потому, что представляешь себе их жизнь, их дни и ночи без радости, без любви, с одной необходимостью — жить вместе. Но ведь так бывает с людьми, за долгие годы растерявшими, как ротозеи, и дружбу и любовь. А эти были еще совсем молодые, и им полагалось не терять, а как раз наоборот — накапливать и приумножать всякое добро, и в первую очередь лучшие чувства. Почему он так переменился к ней? Она такая же милая, хорошенькая и простая. И еще вдобавок заботливая. И, самое главное, любящая, это сразу видно. А он ни разу не сказал ей «пожалуйста» или «спасибо» (хотя бы за платок с голубой каемкой) и ни разу не назвал ее по имени. Он сидел, а она стояла рядом. Он вышел первый и не потрудился подать ей руку. Нет, он даже не оглянулся, не поинтересовался, как она там, навьюченная, вылезает из вагона...

— И вообще он вел себя, как свинья, — сурово сказал наш седой спутник.

— А потому что она его избаловала! — убежденно воскликнула авторитетная пассажирка. — Она его любит и не скрывает свою любовь! А вашего брата баловать нельзя ни в коем случае!

И тут все ближайшие соседи по вагону заговорили про «вашего брата», и про «нашу сестру», и про то, надо ли скрывать любовь или, наоборот, нужно скрывать свой дурной характер, изъяны в воспитании и тот самый пережиток, который с незапамятных времен называется хамством... И все говорили и говорили до конечной остановки на эту тему.

— А я вот что предлагаю! — азартно воскликнул наш седой спутник. — Если они завтра поедут в нашем вагоне, непременно возобновим этот разговор. Только деликатно, не будем называть имен. Пусть послушают.

В самом деле, пусть послушают. Мы будем говорить искренне и по возможности красноречиво о том, как Таня... или нет, не Таня, а какой-то человек без имени, просто он, но с внешностью Сени, очень нравился всем нам, как он был хорош, когда оберегал свою любимую и когда он был готов ради нее взвалить себе на плечи вселенную. И как глупо, смешно и скверно он выглядел в последний раз...

— Знаете, что, — вдруг сказал наш седой спутник, — у него все-таки есть что-то хорошее в лице, у этого Сени. Конечно, он выслушает нас с высокомерным выражением и сделает вид, что это его совершенно не касается. А потом он поймет. Уверяю вас, поймет! И ему снова захочется стать таким, каким он нравился всем нам и каким полюбила его она, Таня, его собственная жена!

Наверно, наш седой спутник был хорошим человеком. И уж, конечно, он любил людей и был оптимистом. А это лучшие качества у спутника, даже на короткой дистанции.

Между прочим

Стоимость жизни...

Гуляя однажды по набережной Темзы, великий шотландский поэт Бернс оказался свидетелем спасения одного богача, упавшего в воду. Какой-то бедняк с риском для собственной жизни спас того, вытащив его на берег, но в награду за это получил лишь медную монету.

Собравшиеся прохожие, возмущенные неблагодарностью богача, хотели было снова бросить его в реку, но тут вмешался Бернс. «Оставьте его, — произнес поэт, — самому ему лучше известно, чего он стоит».

Не растерялся!..

Знаменитый французский актер Тальма, который был склонен к отсебятине, во время одного представления по ходу действия должен был упасть, смертельно раненный. Однако пистолет в руках другого актера почему-то не выстрелил. Совсем растерявшийся дуэлянт нажал на курок еще несколько раз, но безуспешно. Тогда он, вконец потеряв голову, подбежал к Тальма и, не зная, что делает, изо всей силы пнул его. Великий актер с удивительным хладнокровием воскликнул: «Мой бог! Его сапог отравлен!» — и упал замертво.

«Мэгэзин дайджест».

Перевел с английского **В. КУЗНЕЦОВ.**

Ценность точности

Мэр одного городка на севере Нормандии как-то темным вечером (в городе не было в то время ни электрического, ни газового освещения) столкнулся на улице с одним горожанином. Тогда мэр отдал приказ, чтобы никто не выходил ночью на улицу без фонаря.

На другой вечер, делая обход, мэр опять столкнулся с тем же горожанином.

— Что с вами: вы не читали моего приказа, глупый человек? — сказал мэр сердито.

— Нет, читал, — ответил нормандец. — Вот мой фонарь.

— Но в фонаре у вас нет ничего, — возразил мэр.

— В приказе об этом ничего не упоминается, — сказал горожанин.

Наутро появился новый приказ, обязывавший горожан вставлять свечу в фонарь при выходе ночью на улицу.

Вечером мэр, желая посмотреть, как выполняется его приказ, снова отправился в обход и опять налетел на того же злосчастного горожанина.

— Опять я вас поймал! Теперь вы уже так дешево не отделаетесь! — в бешенстве закричал мэр. — Опять вы без фонаря!

— Извините, вот он.

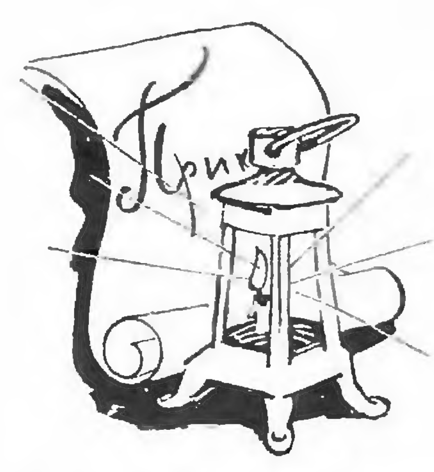
— Но в нем нет свечи!

— Нет, есть. Вот она.

Горожанин вынул из фонаря свечу и показал ее мэру.

— Но она не зажжена! — вскричал мэр в припадке крайнего раздражения.

— В приказе ничего не сказано о том, что надо зажигать свечу, — ответил горожанин.

И мэру пришлось издать еще один приказ, обязывавший горожан **зажигать** свечи в фонарях при выходе вечером на улицу.

Из английского сборника «Остроумие и мудрость».

Перевел П. **ОХРИМЕНКО.**

— Это деревцо напоминает мне нашу ремонтную контору: весной наводим красоту, а осенью все осыпается.

Рисунок Е. Гурова.

ЧЕРНИЛЬНОЕ ПЯТНО

Когда поспевают лесные орехи, озимая рожь пробивается красными иголками, а в кудрявых березках появляются золотые пряди, начинается лучшая пора охоты на рябчиков с пищиком.

Пищик — это маленькая дудочка, сделанная из гусиного пера или птичьей косточки. Свистя в нее, можно подражать голосу рябчика. В конце лета, когда выводки рябчиков уже распались, отдельные птицы, обычно самцы, охотно отвечают на свист и, как говорят охотники, «идут на пищик».

В один из таких осенних дней я пробирался по лесной тропинке и тихонько посвистывал:

— Тииии... тииии... тиуи-ти-ти!

...Вдруг... «Пыр-пррр...» — и передо мной на пне, поросшем мхом, появляется птица с хохолком на голове — рябчик. «Где ты?»— как бы удивленно спрашивает он. Я молчу. Так близко отвечать нельзя: рябчик может понять, кто с ним разговаривает. Улучив момент, осторожно просовываю ружье между веточек куста и стреляю.

...Долго я хожу по лесу и зову рябчиков. Они то подлетают ко мне и падают жертвой своего любопытства, то, разгадав обман, прячутся в чаще. Около полудня на берегу речки присаживаюсь отдохнуть и рассматриваю добычу. Внимание привлекает странная окраска одной птицы. У нее на груди большое фиолетовое пятно. «Чернила?» Я намочил платок и потер грудку птицы. На платке остался синий след. «Откуда здесь, в лесу, могли быть чернила?»

Разгадка пришла вечером, когда я вернулся домой. Зоб рябчика был туго набит спелой черникой. Дробинки пробили зоб, и черничный сок окрасил перья.

Н. РУКОВСКИЙ

Москва.

СОВЕНОК

Гуляя в подмосковном лесу, я заметил на сосне чье-то гнездо из сухих веток. Полез на дерево; в это время с него слетела сова и стала с криками носиться вокруг. В гнезде оказался забавный, но весьма недружелюбно настроенный совенок. Он злобно щелкал клювом и пытался схватить меня за палец, пока я фотографировал его.

Меня заинтересовало устройство гнезда. Оно состояло из нескольких слоев: на развилке двух солидных суков были уложены толстые палки (как могли птицы доставить на дерево такой груз?), на них ветки, а затем мох и перья.

Как только я спустился вниз, сова ринулась в гнездо, откуда понеслись резкие звуки «птичьего разговора». Видно, что-то неприятное по моему адресу.

В. МАРЧЕНКО

В засаде

Львов. **Фото В. Поликанова.**

В этом номере на вкладках: репродукции картин К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова», И. И. Шишкина «Дождь в дубовом лесу», И. Н. Крамского «Неутешное горе» и четыре страницы цветных фотографий.

Созвездие футболистов

С вращающейся Земли кажется, что около Полярной звезды, как около искрящегося гвоздя, вбитого в небесную твердь, движется хоровод созвездий, совершая за сутки полный оборот. В древности индийские астрономы предполагали даже, что все небесные светила соединены с Полярной воздушными связями. Вращение их вокруг этой звезды хорошо заметно по Большой Медведице, которую поэтому иногда называют Вертушкой, а также по не столь известному, но весьма примечательному созвездию Кассиопеи.

Свое название оно получило по имени мифической эфиопской царицы, славившейся своей красотой. На старинных астрономических картах пять главных звезд Кассиопеи образуют ее трон. Это трудно себе представить даже при самом пылком воображении, однако найти созвездие легко по другим признакам: оно находится против Большой Медведицы, и расположение этих пяти звезд напоминает букву дубльве — W. Так иногда располагается пятерка нападающих при игре в футбол. «Кассиопея,— пишет Фламмарион,— беспрестанно меняет свое положение на небе,— она то подымается кверху, то опускается вниз, то сворачивает направо, то налево». Как бы сказали болельщики, «пятерка ведет самую активную игру».

В этом любопытном созвездии в 1572 году произошло событие, памятное в летописях астрономии: неожиданно вспыхнула шестая звезда такой необыкновенной яркости, что ее можно было видеть даже днем при солнечном свете. Постепенно тускнея, она была видна почти полтора года, вызывая суеверный страх одних и удивление других.

Как считают ученые, это неожиданно разгорелась существовавшая и прежде, но невидимая из-за своей малой яркости звезда. Не исключена возможность, что она вспыхнет снова. Вспышки так называемых новых звезд обнаруживались и в других созвездиях, причем не только специалистами-астрономами, но и любителями. Однако явление это редкое, новые звезды изучены мало, вот почему чем больше глаз будет сторожить их появление, тем больше мы о них узнаем.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Подумай!

Скоростной рейс

Из Красноярска в Москву вылетел реактивный самолет. Когда он стартовал, на часах аэропорта было 6 часов 00 минут.

Пролетев без посадки 3 960 километров, самолет приземлился на одном из подмосковных аэродромов, часы которого показывали 6 часов 24 минуты.

С какой среднечасовой скоростью самолет покрыл расстояние от Красноярска до Москвы?

АЛБАНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Как нет инжира с одним плодом, так не должен у человека быть только один друг.

Лисицу поймаешь хитростью, а волка — мужеством.

Мечты курицы—не дальше мякины.

Дети едят кислые сливы, а оскомина у родителей.

Когда овчарки грызутся, волк смело нападает на стадо овец.

Если будешь экономить гвозди, потеряешь подкову.

Когда загорелся мой стог, я познакомился со своими друзьями.

Когда речь держит лисица, пусть ее хорошенько обдумывают петухи.

Куда не входит солнце, туда потом приходит врач.

Кто всегда хохочет — глупый, а кто никогда — несчастный.

Перевел Г. Малиничев.

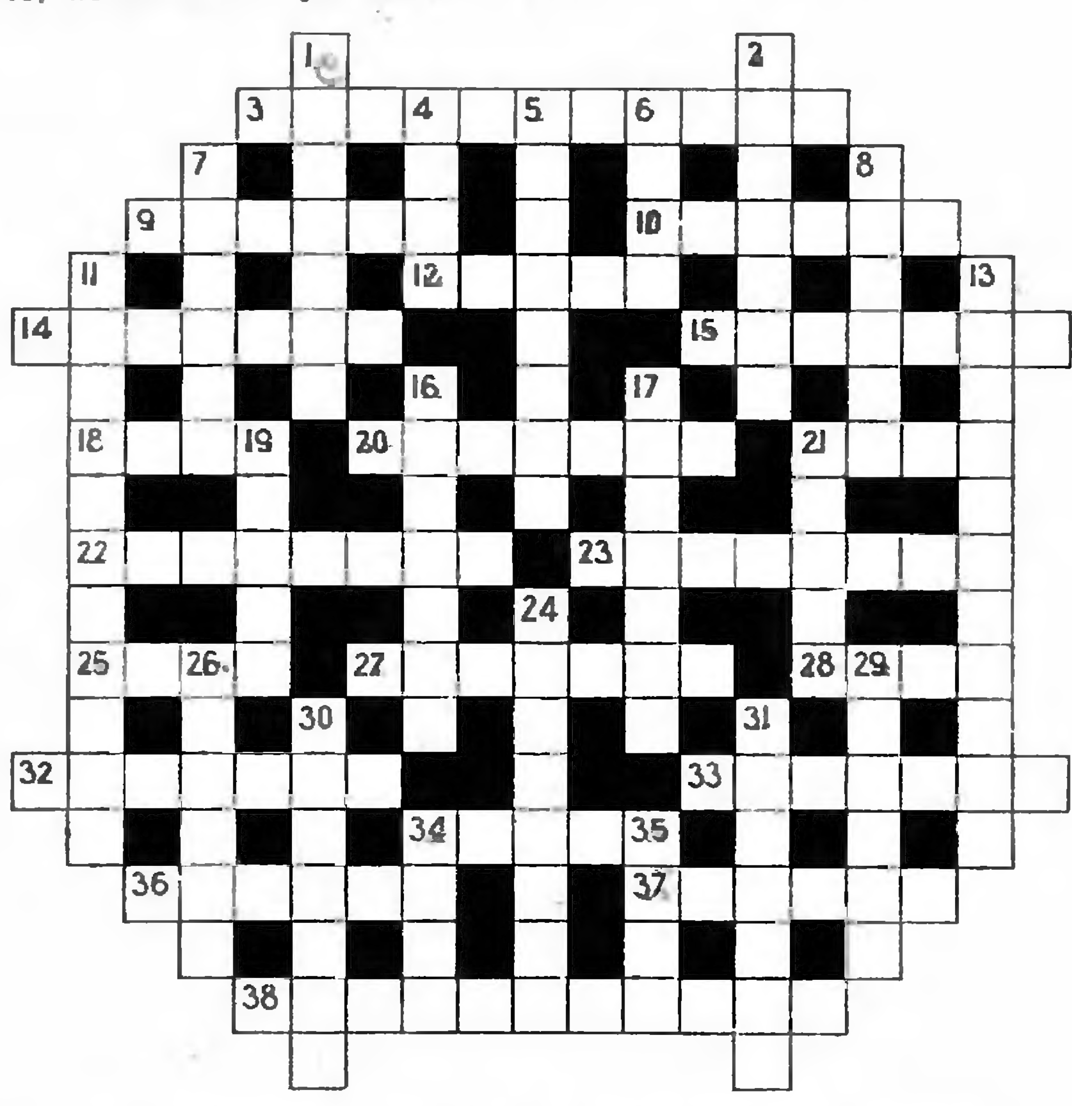
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Ученый и изобретатель в области межпланетных перелетов. 9. Пищевой продукт. 10. Созвездие. 12. Ластоногое млекопитающее. 14. Редкий минерал. 15. Тип изделия, товара. 18. Государство в Азии. 20. Русский механик, конструктор и изобретатель. 21. Произведение М. Горького. 22. Часть здания. 23. Город в Великобритании. 25. Возможная опасность. 27. Молодогвардеец, Герой Советского Союза. 28. Приток Волги. 32. Смешное или язвительное выражение. 33. Русский полярный исследователь. 34. Место на заводе для испытания готовых машин. 36. Хлорная ртуть. 37. Русский поэт. 38. Учение о научном методе

По вертикали:

1. Слово, совпадающее или близкое по значению с другим словом. 2. Музыкальный инструмент. 4. Город во Франции. 5. Плоскости самолета. 6. Щелочное кристаллическое вещество. 7. Сельскохозяйственное орудие. 8. Героиня «Севильского цирюльника». 11. Военнослужащий. 13. Орудие для обработки почвы. 16. Продажа товаров с публичного торга. 17. Китаист. 19. Спортивная площадка. 21. Столица союзной республики. 24. Русский естествоиспытатель и путешественник. 26. Птица жарких стран. 29. Метод научного исследования. 30. Военнослужащий особого войска на Руси. 31. Сверление скважин. 34. Персонаж комической оперы В. Долидзе «Кето и Котэ». 35. Пьеса А. В. Сухово-Кобылина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

4. Ленинград. 7. Апогей. 8. Экипаж. 10. Апофеоз. 12. Боксер. 14. Стокер. 17. Исследователь. 19. Бинокль. 21. Дворец. 22. Шадрин. 23. Классик. 27. Туризм. 29. Рекорд. 30. Откаленко. 31. Танцор. 32. Отрада.

По вертикали:

1. Синхрофазотрон. 2. Женева. 3. Кавказ. 5. Спасский. 6. Раздолье. 9. Богатство. 11. Федерация. 13. Рысак. 14. Съезд. 15. Фестиваль. 16. Сателлоид. 18. Величие. 20. Каховка. 24. Стеллит. 25. Куплет. 26. Дружба. 28. Матрос. 29. Ракета.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Тел. Д 3-38-61.** Оформление В. Епанешникова.

А 05655. Подп. к печ. 9/XI 1955 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6.85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 934. Заказ 2725. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Вова Кусакин совершает прогулку в своей автомашине. Этот детский легковой автомобиль изготовил своими силами его отец А. С. Кусакин, токарь московского завода «Точизмеритель».

Фото Е. Удовиченко.

Цена номера 3 руб.

